

МОЛИТВЫ ДАВИДА, СЫНА ИЕССЕЕВА

*Борис Херсонский
Сергей Санников*

1. ПСАЛТИРЬ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ

Сepher Tehillim (евр. — “Книга Хвалений”) — быть может, самая известная из поэтических книг Библии. Русский читатель знает эту книгу как “Псалтирь” (греческое название струнного инструмента, которое впервые встречается у иудейского философа Филона Александрийского). То же название книга имеет в Александрийском кодексе Библии (V век по Р.Х.). В Ватиканском кодексе (IV век по Р.Х.) эта книга определяется как “Псалмы” (с подзаголовком — “Книга Псалмов”).

Следует ли говорить о том, что в религиозной жизни как иудеев, так и христиан псалмы играют совершенно исключительную роль? “Моисей дал Израилю пять книг Торы; Давид дал Израилю пять книг Хвалений” (“Midrash”). “Сказал Святой, да будет благословен Он, Давиду: Один день твоего учения значит для меня более тысяч жертвоприношений, которые Соломон предназначил для Моего алтаря!” (Shabbos 30b; Massos 10a). Эти высказывания предпосланы одному из наиболее фундаментальных иудейских изданий “Tehillim”. От себя издатели добавляют следующее: “Тора и псалмы. Моисей и Давид. Разум и сердце. В радости и в печали, в благодарении и мольбе еврей обращается к своим псалмам. Там найдет он все эмоции, все намерения и открытия, все невзгоды. Он глотает слова псалмов вместе со слезами радости и боли, и посредством этих слов он соперничает с их автором, Сладчайшим Певцом Израиля, “...который насытил Творца песнями хвалы” (Berachos, 10a).

О том, насколько чтимой была Книга Хвалений в евангельские времена, говорит то, что апостолы и Сам Иисус Христос чаще всего цитируют псалмы. Даже последние слова Христа на кресте — “*Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?*” (Мф.27.46) и “*Отче! в руки Твои предаю дух Мой*” (Лк.23.46) — это строки псалмов (соответственно — Пс.21.2 и Пс.30.6).

Замечательные слова о Псалтири можно найти у учителей христианской церкви. Афанасий Великий писал, что в Псалтири объята вся человеческая жизнь, все состояния души и все движения мысли. Слово Василия Великого о Псалтири предваряет многочисленные издания и рукописи Книги Хвалений. Учитель Восточной Церкви пишет, что ни одна из священных книг не прославляет Бога так, как Псалтирь. «Чему не научишься из псалмов? Не познаешь ли отсюда величие мужества, строгость справедливости, честность целомудрия, совершенство благоразумия, образ покаяния и всякое из благ, какое не назовешь?». Много проникновенных слов о псалмах Давида у Блаженного Августина, вспоминавшего о тех псалмах, которые так любила его мать-христианка: Блаженный Августин оставил фундаментальный труд — толкование Псалтири.

В своем предисловии к Псалтири Мартин Лютер писал, что псалмы позволяют взглянуть в души всех святых несколько раз — в первый раз как в веселый райский сад, второй раз — как во тьму, в смерть, воистину во ад! Автор классического перевода Библии на немецкий язык, многократно использовавший псалмы при написании собственных стихотворных гимнов, Лютер знал цену каждому слову в Книге Хвалений. И имел все основания сказать, что «...самые лучшие из этих слов — к Богу и о Боге».

«Псалом» — слово греческого происхождения и обозначает буквально «бряцание по струнам». «Tehillim» — слово необычное, это мужская форма традиционно употребляемого слова «tehillah». Его корень — «HLL» — обозначает «восхвалять».

Книга Хвалений, согласно древней раввинистической традиции, входит в третью часть еврейской Библии — «Кетувим» (Писания, греч. — «hagiographia»). Относительно поздно сформировавшийся еврейский канон (XII век по Р.Х.) ставит Псалтирь на первое место в Писаниях. И хотя в более ранних рукописях порядок книг бывает иным, но авторитет Нового Завета свидетельствует, что Псалтирь не только возглавляла третью часть иудейского канона, но и давала ей название. Христос говорит: «...надлежит исполниться всему, написанному о Мне в законе Моисеевом и в пророках и псалмах» (Лк.24.44).

2. СОСТАВ И КЛАССИФИКАЦИЯ ПСАЛМОВ

В Книге Хвалений в ее современном виде находится сто пятьдесят псалмов. Во многих древних еврейских манускриптах это число меньше, обычно — 147 (например, в Палестинском Талмуде). При этом объединяются 1-й и 2-й, 9-й и 10-й, 113-й и 114-й псалмы. Псалтирь — самая объемная из книг Ветхого Завета. И все же это не «полное собрание» древнееврейских гимнов и молитв: еще несколько религиозных поэтических текстов имеется в других книгах Библии, как, например, молитва пророка Ионы, песнь Деборы, плачевная песнь Давида по поводу гибели Саула. Есть подобные псалмам тексты и в Новом Завете: например, песнь Марии: «...величит душа моя Господа...» (Лк.1.46), или молитва старца Симеона: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко...» (Лк.2.29).

Определенное количество псалмов осталось за пределами библейского канона. Это, прежде всего, псевдоэпиграфические «псалмы Соломона», по общему мнению, принадлежащие перу поэта-фарисея, который жил в середине первого века до Рождества Христова, а быть может, — и позднее. Еврейский оригинал этих текстов не сохранился. Однако греческий текст несет явный отпечаток еврейского подлинника; более того, многие «темные места» легко объясняются неверным пониманием некоторых древнееврейских слов.

Пример текста, напоминающего по структуре псалом, приводит W.E. Barnes (1931). Это «Похвала Отцам древних времен». Очевидно, он оказался вне канона, поскольку восхваляет не Господа, но людей. Ориентировочное время написания этого текста — 200 лет до Рождества Христова.

О, дайте мне восславить сейчас
вас, благодетели,
От Всевышнего — слава ваша,
царственные властители,
Советчики умудренные,
Правители язычников,
мудро мыслящие в писаниях,
Установившие меру псалмам,
Мужи доблестные и властные,
Чтимые современниками,
Обладатели имени,
Кто не оставил памяти —
как бы и не было их,
Но те, кто творил добро,
благоденствует семья их,
Их память — всем поколениям,
В мире они отошли к отцам,
Изучает община их мудрость,

вас, отцы, в поколениях ваших!
прославлены вы от древности,
могущественные мужи!
всевидящие пророки!
проницательные владыки,
хозяева хранилищ учения!
записавшие изречения!
бесстрашные в жилищах!
прославленные в годы их.
утвержденного в их наследии.
исчезли, пропали пропадом,
и дети их — вслед за ними.
их надежда не обманула,
их наследье — детям детей.
не вычеркнут праведность их.
но их имена — вовеки.
их хвалу возвещают в собрании!

Это древнее песнопение в честь тех, кто сочинял и записывал псалмы и притчи, несколько напоминающее знаменитую древнеегипетскую «Похвалу писцам», является лучшим эпиграфом к Псалтири.

Упоминание о «пяти книгах псалмов» для русского читателя может показаться странным. Но в древнейшей иудейской традиции Книга Хвалений состоит из пяти частей, каждая из которых завершается славословием. Такое подразделение позволяло мистически соотнести Псалтирь и Закон, сердце и разум. Пятикнижие Моисеево обращено от Бога к людям, гласит иудейское изречение, а Книга Хвалений — от людей к Богу. Святой Григорий Богослов связывает пять книг Псалтири с пятью ступенями нравственного совершенствования (цит. по F. Delitzch, 1894).

Разделение Псалтири на книги во многом условно, по крайней мере, содержание псалмов не является откликом на конкретные книги Торы. Большинство русских изданий Библии игнорирует структуру Книги Хвалений. При этом славословия-благословения, завершающие каждую из книг,

механически объединяются с предшествующим псалмом. Очевидно, что подобная практика ошибочна. Каждая из пяти книг Псалтири, несомненно, имеет свои индивидуальные особенности. И анализ этих особенностей позволяет лучше понять историю собирания и редактирования религиозных поэтических текстов.

Каковы основные аргументы в пользу того, что Книга Хвалений в ее нынешнем виде представляет собою компиляцию из нескольких сборников древнееврейской литургической поэзии? Прежде всего об этом свидетельствует повторение одних и тех же псалмов в разных книгах — целиком и фрагментарно. Вторая книга завершается словами: *«Кончились молитвы Давида, сына Иессея»*. Однако в третьей и пятой книгах также находим псалмы с надписанием *«Давида»*. В различных книгах с различной частотой встречаются различные имена Божии. В первой, четвертой и пятой чаще встречается слово *«Господь»* (*«Адонай»*). Во второй и третьей — *«Бог»* (*«Элохим»*). Правда, эта особенность может быть объяснена редакторской работой. Такое объяснение кажется особенно правдоподобным, если сравнить тексты практически идентичных тринадцатого и пятьдесят четвертого псалмов, которые оказались в разных книгах. Слово *«Господь»* в тексте пятьдесят четвертого псалма замещается словом *«Бог»*. По-видимому, редактор второй и третьей книг всячески избегал употребления имени Божия...

Но существуют и стилистические различия между книгами. Рефрены как поэтическая форма практически не встречаются в псалмах первой книги, зато весьма часты во второй. Специфическое слово *«халлелуйя»* (*«аллилуйя»*), славящее Бога, также появляется лишь в последних книгах Псалтири. Возможно, эти псалмы входили в особый сборник гимнов. Точно так же надпись *«начальнику хора»* (руководителю), возможно, относится к сборнику гимнов с таким названием. Определенное стилистическое единство присуще кратким *«песням восхождения»*, которые следуют она за другой.

В современной богословской литературе классификация псалмов воистину нет числа. Наиболее четко выделяются такие типы псалмов, как уже упоминавшиеся *«учительские»*, дидактические стихи, иначе называемые *«псалмами премудрости»*; *«царские»* или *«мессианские»* псалмы, среди которых выделяются *«псалмы воцарения»*. Следует упомянуть также *«псалмы-жалобы и прошения»* (коллективные или индивидуальные), *«псалмы-благодарения и псалмы-хваления»* (также коллективные и индивидуальные).

Для понимания смысла псалма необходимо ответить на следующие вопросы:

- (1) Что выражается в псалме: жалоба, благодарение, восхваление или написание?
- (2) От чьего имени написан псалом, говорит ли в нем отдельный человек или сообщество (*«Я»* или *«Мы»*)?
- (3) Говорит ли отдельный человек от своего имени, или это представитель народа — царь, священник пророк?
- (4) Нет ли в тексте псалма признаков того, что он представляет собою *«диалог»* священника и собрания молящихся (*«Я»* и *«Мы»*)?
- (5) Упоминается ли в псалме царь? Обозначают ли слова *«помазанник»*, *«цит»*, *«сын»* его отношения с Богом? (W.S. La Sor and oth., 1982).

Некоторые исследования посвящены, преимущественно, типологии псалмов в зависимости от содержания (Н. Guthrie, 1966), однако во многих псалмах сочетаются разные элементы. Более того, в этой мозаике есть определенная логика. Если не понимать ее, то некоторые из псалмов могут показаться комбинацией разнородных текстов. Жалоба на «стеснение» может следовать непосредственно за утверждением, что Господь поставил ноги псалмопевца «на просторе». Поток жалоб внезапно сменяется хвалой и благодарением. Но такова уж внутренняя логика молитвы — жалуясь Господу, мы внезапно чувствуем, что наша молитва услышана, и приносим Ему хвалу. Вспоминая о милостях Божиих, мы внезапно ощущаем свое недостоинство и греховность. Это особенно характерно для традиционной еврейской молитвы. Вспомним одного из героев романа «Записки из мертвого дома» Ф.М. Достоевского, молитва которого казалась странной автору именно из-за внезапной смены настроения молящегося!

3. ПСАЛТИРЬ КАК ПЕСЕННЫЙ СБОРНИК

Название Книги Хвалений определяет ее основное предназначение: это сборник гимнов для литургического использования в Иерусалимском Храме (предположительно — во Втором Храме, однако нет сомнения в том, что многие псалмы были написаны гораздо раньше, еще до строительства Первого Храма).

Пение гимнов многотысячным хором левитов и молящихся, сопровождающееся аккомпанементом струнных инструментов и возгласами труб, было важной частью богослужения; звуки музыки были слышны на огромном расстоянии от здания Храма. Трубочей называли «огорчителями левитов» — очевидно, потому, что громкие звуки труб заглушали пение. В тексте многих псалмов имеется ясное свидетельство их литургического использования; кроме того, некоторые надписания связывают тот или иной псалом с днем недели или праздником. Имеются указания на то, что еще до разрушения Второго Храма псалмы использовались в общественном богослужении в синагогах. Эта традиция была развита позднее, в диаспоре, и сохраняется поныне. Та музыка, на которую исполнялись псалмы в Храме, утрачена безвозвратно. Более того, надписания, которые указывают на особенности музыкального исполнения псалмов, оказываются наиболее трудными для понимания. Дело в том, что расцвет музыкального творчества в древнем Израиле приходится на период Первого Храма. После разрушения этого Храма богослужение уже никогда не достигало прежней пышности. Многие инструменты более не применялись. По крайней мере, уже в период, когда создавался греческий перевод Библии (см. ниже), значение некоторых музыкальных терминов было непонятно переводчикам.

Из музыкальных терминов в псалмах чаще всего употребляется слово «selah», которое не является частью текста. Греческий перевод этого слова — «междупсалмие». По всей вероятности, оно обозначает паузу в исполнении хора, во время которой играют инструменты. Возможно, «selah» — указание хору повысить тон или усилить громкость. Некоторые надписания дают указания на то, какие инструменты должны сопровождать пение.

Упоминания о разнообразных музыкальных инструментах имеются и в самих текстах псалмов. Иногда нам ясно, какой инструмент имеется ввиду: например, когда речь идет о «восьмиструнном», о псалтири, кимвалах, трубах, Шофаре (ригуальный инструмент, сделанный из рога овна. Первый Шофар был, по преданию, сделан из рога овна, принесенного Авраамом в жертву вместо своего сына, Исаака). Но что такое «Гефское орудие»? А о некоторых словах до сих пор спорят, обозначают ли они инструмент — «орудие Шошан» — или указывают на мелодию светской песни «Лилия», на которую нужно петь псалом. Вообще же, несколько надписаний явно говорят о том, что мелодия, на которую нужно петь псалом, заимствуется из другой песни, в основном, светского характера — например, «О голубке, безмолвствующей в отдалении», «Не погуби». В греческой и славянской версиях Псалтири этих указаний еще больше. Такая традиция — пение духовных гимнов на мотивы известных светских песен — известна и в средневековой Европе (мессы на тему песни «Вооруженный человек»), в период после Реформации (одна из излюбленных тем хоралов И.С.Баха — мелодия песни Г.Исаака «Инсбрюк, я должен покинуть тебя»).

Какие виды псалмов различали древние иудеи? В надписаниях над псалмами упоминаются специфические термины, значение которых не всегда ясно сегодня. Еврейское слово «mizmor» ближе всего к греческому «псалом»: оно означает музыкальное произведение, исполняемое голосом в сопровождении инструментов. Слово «maskil», вероятнее всего, следует перевести как «учение», оно должно указывать на дидактический характер текста. И в то же время некоторые «учительские» псалмы не имеют подобного надписания. Еще менее понятно значение слова «miktam», в греческом переводе — «столпописание». Мартин Лютер переводил это слово как «золотая песнь». Еврейское слово «shir» обозначает «песня». Кроме того, можно отметить и такие надписания, указывающие на жанр произведения, как «плачевная песнь», «песнь восхождения» (очевидно, обозначающее песнопение при восхождении паломников на гору Сион) «песнь любви», и, наконец, «tefillot» - «молитва».

Илл. 1. Музыкант трубит на Шофаре. Миниатюра из византийской рукописи 9-го века («Хлудовская Псалтирь»).

4. АВТОРСТВО ПСАЛМОВ

Богословы и библеисты спорят об авторстве псалмов. Казалось бы, этот вопрос освящен авторитетом Библии: канонизированный текст называется авторами псалмов Моисея, царя Давида, Асафа, Сынов Кореевых, Соломона, Ефама Езрахита и Емана Езрахита. Тем не менее, как радикальная иудаистская, так и ранняя христианская традиции приписывают авторство всех псалмов одному человеку — царю Давиду. Впрочем, в те отдаленные времена не существовало понятий об авторском праве в сегодняшнем смысле слова. Храм Соломона также не был построен Соломоном, но создался в его время и по его приказу. Этого было вполне достаточно для того, чтобы Первый Храм в течение тысячелетий в сознании людей был связан с именем мудрого царя. Подобные вещи происходили и в иных странах много позднее. Итак, вторая точка зрения может быть сформулирована следующим образом: Псалтирь была окончательно собрана и отредактирована в период царствования Давида, при этом Давиду принадлежит большинство текстов, а иные написаны его предшественниками. «Давид написал Книгу Псалмов, включив в нее работы старейшин, а именно, Адама, Мелхиседека, Моисея, Идитума Асафа и трех сыновей Кореевых» - гласит талмудический трактат (Bab.Bath., 14b). В другом трактате утверждается, что Адам был автором 138 псалма (Saheel, 38b).

Илл. 2. Давид, играющий на арфе.
(Миниатюра из «Халудовской Псалтири»).

В настоящее время церковная традиция придерживается в вопросе авторства псалмов буквы библейского текста. Но в различных версиях Библии авторство псалмов определяется по-разному. Греческий перевод Библии, в частности, приписывает Давиду большее количество псалмов, чем еврейский оригинал. Часть псалмов вообще не содержит указаний на авторство. Талмудическая традиция называет такие псалмы «сиротами» (Abodach Zara 24 b). Либеральное протестантское богословие отказывает Давиду даже в авторстве псалмов, которые имеют надписание «le Dawid» — «Давидов». И действительно, традиционное надписание «Псалом Давида» не обязательно означает авторство (предлог «le» может соотноситься не только с родительным, но и с дательным падежом; таким образом, надпись «le Dawid» можно прочесть как «Псалом Давиду» либо «Псалом, обращенный к Давиду»).

Современные иудейские комментаторы, по большей части, высказывают суждения, близкие к выводам протестантских богословов. Так, М. Friedlander пишет, что многие псалмы, вероятно, принадлежат более поздним авторам, об именах которых мы никогда ничего не узнаем. Проблема авторства Псалтири весьма схожа с вопросом об авторстве Пятикнижия. Даже разные имена Божии, употребление которых послужило основанием для выделения двух (из четырех) источников Пятикнижия, как мы увидим ниже, имеют значение и при анализе Псалтири. С проблемой авторства тесно связана и датировка отдельных псалмов. Либеральные теологи склонны считать, что Давид и поэты его времени лишь дали начальный импульс традиции псалмопения. Комментаторы девятнадцатого века отнесли некоторые псалмы к весьма позднему времени (эпоха Маккавеев), однако эта гипотеза не подтвердилась... С уверенностью можно сказать лишь об одном: вне зависимости от текстологических исследований и археологических открытий, для наших внуков, как и для наших прадедов, Книга Хвалений останется Давидовой Псалтирью (А.Мень, 1992).

В. С. Соловьев

5. БОГОСЛОВСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПСАЛТИРИ

Псалмы — лирическая религиозная поэзия, а не свод систематических знаний в области богословия. И все же Псалтирь — сокровищница богословия.

Возможно, одной из главных причин, сделавших Книгу Хвалений столь популярной как в народе Израильском, так и среди христиан — было то, что псалмы в поэтической форме выражали веру, чувства, мировоззрение и богословие простого народа. Часто «Закон» с его летописями и информационной насыщенностью казался слишком «сухой», а «Пророки» — слишком загадочной частью Писания. В то время как «Кетувим», главное место в которой отводилось Книге Хвалений, привлекал образностью, яркостью и богословской глубиной.

Василий Великий писал о Псалтири: «Здесь есть совершенное богословие, есть пророчество о пришествии Христовом по плоти, есть угроза суда Божиего. Здесь внушается надежда воскресения и страх мучений. Здесь обещается слава, открываются тайны. Все есть в книге Псалмов как в великой и всеобщей сокровищнице» (Творения Василия Великого. Ч.1, с.177).

Читая и распевая псалмы, верующие всех времен находили в них отражение своего представления о Боге, о мире, об окружающих людях и о себе. Точно так, как и в наше время тексты общего пения являются выразителем веры общины, — так и Книга Хвалений отражает библейское богословие. Вероятно поэтому в литературе псалмы иногда уподобляются витражам средневековых соборов, сюжеты которых «научали» паству. В этом же смысле псалмы можно сравнить и с русской иконописью. Не случайно именно Псалтирь была чтима наравне с Евангелием: по ней учили детей грамоте, а заодно и богословию.

Древний иудей, не имевший в своем распоряжении всех книг Танах, но знающий наизусть несколько десятков псалмов, имел ясные богословские представления. Таким образом, вряд ли можно переоценить дидактическое значение псалмов, которые учили молодежь и прозелитов правильным доктринам о Боге и о себе, посредством чего библейское богословие укреплялось в Израиле. При этом особенно следует заметить, что большинство израильтян не умели читать, и только через заучивание наизусть они могли утверждаться в вере.

Особенностью богословия Псалтири является ее образность и иллюстративность, при этом она раскрывает почти все богословские сферы и дает достаточно глубокое, ясное и наглядное представление о Боге.

Фактически, это — единственная книга, стоящая на границе двух Заветов, соединяющая представление о мстительном и суровом Боге Ветхого Завета с образом любящего и прощающего Бога Нового Завета.

Бог в псалмах, как и во всей Библии, предстает Вечносущим Творцом. Его существование не нуждается ни в каком объяснении, и авторы псалмов даже не делают попытки построить хоть какую-нибудь теогонию, дающую представление о появлении божества, хотя они и вспоминают историю творения (Пс.103 и Пс.8).

Даже мысль о не-существовании Бога хоть в какой-нибудь промежуток времени кажется для них лишенной здравого смысла («Сказал безумец в сердце своем: *«нет Бога»*, — Пс.13.1; 52.2). От того, что Бог априорно и изначально Суший и абсолютно Первый во всем, — в псалмах отсутствует представление о человеческих усилиях в богопознании, но в них доминирует реакция человека на откровения Бога о Самом Себе. Все богословие псалмов построено на богооткровенности и на первичной инициативе Бога по отношению к своему творению.

6. БОГ И ХРИСТОС В ПСАЛМАХ

Бог Псалтири — это Бог всего творения. Он — Создатель всего видимого и невидимого (Пс.103.4-5), Он — Творец людей и народа Своего, Израйля (Пс.149.2; Пс.68.36). При этом Он — не трансцендентный Бог деистов, удалившийся от Своего творения, но Он — личность, готовая слушать (Пс.54.1-3), прощать (Пс.129.4), гневаться (Пс.73.1), любить, сожалеть и раскаиваться (Пс.105.45). *«...Господь возставляет согбенных; Господь любит праведных. Господь хранит пришельцев, поддерживает сироту и вдову»* (Пс.145.8-9)

Бог Псалтири наблюдает над кругом земли (Пс.32.14) за Своим творением, но не растворяется в нем имманентно, как о том учит пантеизм. Он — Бог-Судья, шествующий с облаками (Пс.103.3); Его суды не неприятны, абсолютно взвешены и истинны (Пс.9.5; 74.8; 93.2), но при этом Он — и Бог любви, являющий Себя как Отец сирот и вдов (Пс.67.6), милующий не по заслугам, а по благодати и множеству щедрот Своих (Пс.50.2). Именно это соединение представлений о Боге, карающем за грех, но прощающем кающегося грешника, поднимает Книгу Хвалений на уровень Нового Завета и делает ее столь популярной среди христиан, которые часто издают из всех книг Ветхого Завета только эту книгу в одном переплете с книгами Нового Завета.

Богословие Псалтири открывает нам живого Бога, Который “не дремлет и не спит...” (Пс.120.4). Он, живущий на высоте во святилище (Пс.77.69), близок к человеку и к Своему народу, Он — Всемогущий над силами зла (Пс.90.1), над Своим Творением (Пс.106.25-29) и над людьми и историей (Пс.67.15). Он — Бог Всевышний (Пс.46.3), облеченный могуществом и силой (Пс.92). Он знает мысли человека (Пс.93.11), слышит все, от Него нигде невозможно укрыться (Пс.138.2). Он — Бог Всеведущий (Пс.146.4) и вездесущий. “Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря: и там рука Твоя..., скажу ли: “может быть, тьма сокроет меня и свет вокруг меня сделается ночью”. Но и тьма не затмит от Тебя...” (Пс.138.9-12)

Особое место в представлении о Боге занимает в псалмах святость Божия: “...Ты, Святый...” (Пс.21.4). Эта таинственная и пугающе неземная святость не ограничивается отделенностью и почти суеверным страхом пред “Святым именем Твоим” (Пс.102.1; 105.47; 144.21), но она включает в себе все богатства Божии и всю жизнь, являясь более чем одним из атрибутов Божиих: являясь Его сущностью. Не напрасно в Книги Хвалений понятие “святой” часто является синонимом четверехзвучия “JHWH” (Пс.70.22, вместо Ягве: “Святый Израилев”).

Бог не только свят в Самом Себе, но и сообщает Свою святость, т.е. освящает то, что Он суверенно избирает. Относится ли это к месту (святая гора — Пс.47.2; святой храм — Пс.64.5), к предмету (святой елей — Пс.88.21), к народу (“Иуда сделался святынею Его” — Пс.113.2) и к отдельному человеку (Пс.4.4). Святость Божия требует святости человеческой, обязывая народ и отдельного человека освящаться, отделяясь от греха (Пс.33.10; 77.41).

Представление о святом, суверенном Боге — Царе вселенной — находит свое наиболее полное отражение в декларации завета между Богом и Израилем. Это центральная и одна из наиболее ярких и значимых тем Книги Хвалений.

Независимый ни от кого Бог избрал Израиль и утвердил Свой завет (договор) с ним (Пс.88.4). Бог верен этому завету, что многократно подчеркивается псалмопевцами (Пс.104.8; 105.45; 110.5), но люди часто забывают его, за что Бог наказывает их (Пс.49.5-7). В этом — особая скорбь псалмопевцев (Пс.73.20) и их многократные напоминания народу о милости Господней к хранящим завет Его (Пс.24.10).

Все молитвы (Пс.16,85,89,101,141 и др.), воздыхания и вопли о покаянии построены на внутреннем убеждении в верности Бога Своему завету

и на понимании человеческой изменчивости и милости Творца. Уникальность отношений с единственным, всемогущим Богом позволяла Израиллю выражать свою уверенность в услышанности их молитв и сообщала твердость перед сражениями. Завет был настолько крепким, что связывал воедино врагов Ягве и врагов Израйля (Пс.138.21-22):

*“Мне ли не возненавидеть
ненавидящих Тебя, Господи,
и не возгнушаться восстающими на Тебя?
Полною ненавистью ненавижу их;
враги они мне”.*

С другой стороны, завет с Ягве был источником признательности, хвалы и славословия (Пс.99.4; 68.31).

Логическим продолжением идеи завета является представление о Посланнике Завета — Мессии. Это представление пронизывает всю Книгу Хвалений, но особенно полно выражается в “мессианских” псалмах. Понятие “мессианские псалмы” в строгом смысле не выдерживает критики, так как мессианский мотив слышен в подавляющем большинстве псалмов. Очевидно, именно это обстоятельство привело к тому, что ни одна книга Ветхого Завета не цитируется в Новом Завете так часто, как Псалтирь.

Некоторые авторы выделяют в качестве “мессианских” семь псалмов (Э.Эбби), другие — девять (Э.Нюстрем) или двадцать один (А.П.Лопухин). Подобные различия происходят от того, что все эти псалмы, будучи едины и дополняя друг друга, в богословском отношении различаются по способу изложения мессианских пророчеств, что приводит к их различной интерпретации.

В некоторых псалмах обетованная Личность рисуется в Ее грядущем пришествии их можно считать собственно пророческими псалмами (Пс.2), в других псалмах Мессия показан прообразно в сценах из жизни Давида (Пс.21.) или в эпизодах прославления (Пс.8.3). Однако совершенно определенно можно сказать, что без Книги Хвалений христология как наука была бы весьма не полной. Так, Пс.131.11 предсказывает, что Христос произойдет из дома Давидова, Пс.39.7-8 говорит о назначении первого пришествия Христа, Который отменит Моисеев закон жертвоприношений Своей единократной жертвой и совершенным послушанием. Пс.44.8 говорит о божественной природе Христа: *“...помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости более соучастников Твоих”.*

В псалмах прообразно показано страдание Христа на кресте (Пс.21.7.15-19) *“... пронзили руки мои и ноги Мои. Можно было бы перечесть все кости Мои, а они смотрят на Меня и делают из Меня зрелище”.* В них символически указывается на отвержение Его израильским народом: *“Камень, который отвергли строители...”* (Пс.117.22), звучит уверенность в воскресении Мессии (Пс.15.18) и пророческое знание о Его вознесении и излиянии Духа Святого (Пс.67.19).

Уникальное положение в группе “мессианских” псалмов занимает 109 псалом, где конкретно указана позиция Мессии в небесных сферах:

“Сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня...” (Пс.109.1), Его еднотелность Отцу по рождению, а не по сотворению: “...из чрева прежде денницы подобно росе рождение Твое” (Пс.109.3), Его непреходящее первосвященство: “Ты священник вовек по чину Мелхиседека” (Пс.109.4) и др.

Христос предвосхищается в Псалтири как Царь (Пс.2, 19, 20, 23, 71, 109); Жертвенный Агнец (Пс.21); Добрый Пастырь (Пс.22); Твердыня Спасения (Пс.26.5; 39.3).

7. УЧЕНИЕ ПСАЛТИРИ О ЧЕЛОВЕКЕ И ОБЩЕСТВЕ

Особое место в богословии Псалтири занимает антропология и концепция спасения. Учение о человеке, с точки зрения Книги Хвалений выглядит довольно мрачным. Человек рисуется исполненным ала и греха. Он рождается во грехе (Пс.50.7), грех парализует душу и тело, низлагает силу (Пс.30.11), отбирает душевный мир (Пс.37.4). Грех делает людей врагами друг другу, отчего псалмопевец как бы с удивлением восклицает: “Господи! как умножились враги мои!” (Пс.3.2). Грех заставляет людей злословить Бога и ругаться друг на друга (Пс.41.11), искать смерти один другому (Пс.55.3), предавать друзей: “Даже человек мирный со мною, на которого я полагался, который ел хлеб мой, поднял на меня пяду” (Пс.40.10).

Отношения между людьми — особая тема Псалтири, заслуживающая подробного анализа. Но даже при первом прочтении текстов псалмов ясно, что человечество вне Бога, без Бога — это, прежде всего, скопище враждебных, злых, агрессивных, клеветующих. “О, блаженство того человека, кто не шел на совет безбожных!” — восклицает псалмопевец. Но не весь ли мир — совет безбожных, нечестивых, злых? Описания врагов в Псалтири чрезвычайно яркие. Их десятки тысяч, они стеснили псалмопевца со всех сторон (Пс.3). Они любят суету и ищут лжи (Пс.4). Нет истины в их устах, погибель гнездится у них в сердцах, могила разрытая — их гортань, лстивы их языки (Пс.5). Безбожные (евр. — “gasaim”) удачливы, не знают страданий, их не увидишь на работе человеческой, их не подвергают ударам вместе с другими людьми. А потому гордыня стала их ожерельем, они разодеты в дерзость, у них глаза навывкате от жира..., они возвышают уста свои до неба, и язык их расхаживает по земле. Неудивительно, что народ Божий следует их примеру! (Пс.73). Даже когда враг один, он не менее опасен. Он зачал беззаконие, вынашивал злобу и родил ложь (Пс.7). Его путь ведет к погибели, с презрением он смотрит на жертву..., уста его полны проклятия, коварства и лжи, под языком его — мучение и пагуба, он стережет невинную жертву, как лев в засаде... (Пс.9). Умерщвляют сирот, убивают вдову и пришельца (Пс.93). Нужно ли продолжать?

Нет надежды и на друга. Предателем оказывается даже тот, кому псалмопевец доверял, как самому себе, с кем вел душевные беседы, с кем вместе ходил в Храм! И это — тягостнее, чем преследование врага и издевательства ненавистника (Пс.54). Даже в болезни нет помощи от ближнего,

все с нетерпением ждут смерти псалмопевца, — когда же пропадет навек его имя? (Пс.40). Ближние становятся вдали, знакомые и друзья отступают, при виде бедствия, которое терпит псалмопевец (Пс.37). Даже отец и мать оставляют его. Мои знакомые, — горько восклицает он, — тьма (Пс.87).

А вот — город грешных (нет, не языческий город, а украшение Сиона — Иерусалим!), в котором распри и насилие множатся, обходят город по стенам его; злодеяния и бедствие — в середине его, посреди его — пагуба, а обман и коварство не сходят с его улиц (Пс.40).

Итог — одиночество среди толпы. Праведник почти всегда один. Иногда это выражается предельно ясно: например, в псалме 101 псалмопевец уподобляет себя одинокой птице на кровле (Пс.101). Но даже там, где об одиночестве не говорится прямо, из текста следует, что псалмопевец переживает чувство одиночества, он взят в кольцо, он окружен, ему не на кого опереться. Ни друг, ни конь, ни оружие — не опора, не защита. Многочисленные упоминания о *“собрании праведных”*, это, по сути, лишь описание людей во время богослужения. Псалмопевец говорит о собрании (общине) как об аудитории, перед которой он проповедует славу Божию, рассказывает о могуществе дел Господа. Но в этих отрывках нет и намек на теплые эмоциональные отношения, на дружескую защиту и поддержку. Лишь один краткий псалом воспевает совместную жизнь братьев, сравнивая ее с драгоценным елеем, который стекает на бороду Аарона, на края одежды его (Пс.132). В псалме 127 также описывается идиллическая жизнь семьи праведника: его жена подобна плодоносной лозе внутри его дома (то есть у нее много детей, она постоянно находится во внутренних покоях дома, предназначенных для женщин), а сыновья вокруг стола подобны ветвям оливкового дерева.

Подстать одиночеству праведника и одиночество Богоизбранного народа. Лишь евреям Господь открыл Свою волю, но народ Божий постоянно находится в окружении враждебных народов и племен. Псалмопевец призывает проклятие на голову *“безбожных племен”*, он мечтает о том, как Господь *“сокрушит голову в земле обширной”*, как с хвалой Господу на устах и острыми мечами в руках *“смиренные”* будут налагать оковы на князей и цепи на царей, чтобы свершить над ними написанный

Илл. 3. Давид скрывается в пещере от своих врагов. (“Киевская Псалтирь”).

приговор. Это жестокие мечты! Но жестока и реальность. Народ Божий постоянно угнетается, кровь святых проливают, как воду, вокруг Иерусалима, их убивают целый день, они пересчитаны, как овцы, обреченные на убой. Господь вверг их в темницу, сковал их бедра цепями, позволил человеку *“ходить по их головам”*. В индивидуальных и коллективных жалобах так много общего, что грань между ними, обозначенная противопоставлением “Я – МЫ”, подчас совершенно исчезает.

В некоторых псалмах господствует мрак отчаяния: кажется, что все окружающие относятся враждебно к псалмопевцу: кивают головами, перемигиваются, перешептываются, составляют бесчисленные заговоры против него, предъявляют ему необоснованные обвинения. Всюду — волчьи ямы, западни, ловушки, сети, расставленные врагами! О нем судачат у ворот, о нем поют песни люди, пьющие вино. Читая эти тексты, можно подумать, что псалмы написаны не Давидом, но Саулом, страдавшим приступами меланхолии. Такое “сгущение мрака” не может быть чем-то случайным. Тягостные переживания псалмопевца побуждают его обращать мольбу ввысь, “возводить очи к горам”. Бог в Псалтири — это не просто убежище и защита, это единственное Убежище и единственная Защита. На главный вопрос экзистенциальной философии — о смысле человеческого существования — Книга Хвалений дает внятный ответ: смысл жизни и оправдание страданий человека — только в Боге. Точно также и смысл пребывания на земле народа Божиего и его страданий — только в Боге.

Однако, даже в этих горьких условиях греха и окружающего зла человек может и должен быть святым (Пс.149.5; 131.9) и праведным (Пс.36.29; 48.15). Возможно ли это? И на какой же способ оправдания указывают псалмы? С одной стороны, псалмопевцы понимают, что желание быть оправданным пред Богом в своих действиях абсолютно немисливо, и на это они не дерзают. Более того — они боятся этого: *“И не входи в суд с рабом Твоим, потому что не оправдается пред Тобой ни один из живущих”* (Пс.142.2); *“Если Ты, Господи, будешь замечать беззакония, — Господи! кто устоит?”* (Пс.129.3). Но, с другой стороны, Книга Хвалений предлагает абсурдный, с точки зрения логики Ветхого Завета, но единственно приемлемый способ оправдания, который заключается в том, чтобы исповедовать свой грех пред Господом и уповать на Его милосердие: *“Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои. Многократно омой меня от беззакония моего, и от греха моего очисти меня, ибо беззакония мои я сознаю, и грех мой всегда предо мною”* (Пс.50.3-5). Таким образом, утверждается очищение от греха в ответ на исповедание, а не в ответ на жертву (Пс.64.3-4).

Семь так называемых “покаянных псалмов” (6,31,37,50,101,129,142) очень ясно показывают возможность прощения по благодати, а не по заслугам (Пс.31.5; Пс.129.3-4). Как-бы даже в противовес Торе, утверждающей возможность прощения только через жертву, звучат слова псалмопевца: *“Ибо жертвы Ты не желаешь, — я дал бы ее; к всесожжению не благоволишь. Жертва Богу дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже”* (Пс.50.18-19). В этих словах богословие Нового и Ветхого Завета скрещиваются и переплетаются, указывая на прощение через искупительную жертву Иисуса Христа, вводящего нас в тайну Бога обоих Заветов.

Илл. 4. Праведник подобен оливковому дереву.
(“Худовская Псалтирь”).

Последующая после покаяния жизнь представляется псалмопевцу чередой усилий по поддержанию личной праведности. Он знает, что Праведный Бог будет поддерживать только тех, кто живет, мыслит, говорит и поступает праведно с окружающими людьми (Пс.54.23; 57.12).

Интересна вера псалмопевцев в возможность спасения не только для израильтян, в силу завета Ягве с Его народом, но и расширение этого спасения на язычников и даже на противящихся Богу: “...пленил плен, принял дары для человека, так чтоб и из противящихся могли обитать у Господа Бога” (Пс.67.19), а в заключении и до необозримого горизонта вселенной: “Все концы земли увидели спасение Бога нашего” (Пс.97.3). В этой точке псалмопевцы поднимаются над узким национализмом иудейства, и богословие Псалтири смыкается с богословием Нового Завета.

Одним из наиболее интересных аспектов учения Псалтири о человеке является представление о свободе человеческой воли и поступков. Настаивая на абсолютной независимости действий Бога от человеческих желаний и поступков, в то же время авторы псалмов постоянно подчеркивают способность человека принимать свободные решения. В этом проявляется характерная особенность семитского склада ума и мироотражения, при котором противоречие и даже антиномии парадоксально уживаются и гармонируют друг с другом, а гипертрафированность образов доводится иногда до крайней точки.

Псалмы постоянно напоминают о свободе человека делать выбор и в то же время подчеркивают его ответственность за это. Псалмопевец передает

прямую речь Бога: "...открой уста твои, и Я наполню их". Но народ Мой не слушал гласа Моего, и Израиль не покорялся Мне. Поэтому Я оставил их упорству сердца их..." (Пс.80.11-13). Весь смысл поучительных псалмов (Пс.1, 5, 7, 14, 16, 49, и др) сводится к призыву обратиться к Богу, оставив грех и заблуждение, и получить от Него спасение, охрану и покровительство: "Принеси в жертву Богу хвалу, и воздай Всевышнему обеты твои; и призови Меня в день скорби; Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня" (Пс.49.14-15). Таким образом, Псалтирь не устраняет кажущуюся антиномию между вездесущей властью Бога и человеческой свободой, но говорит об этом так, чтобы стало понятным: Божия благодать и человеческое свободное послушание необходимы для спасения.

8. ЭСХАТОЛОГИЯ И СЛAVОСЛОВИЕ ПСАЛТИРИ

Хвалите Господа, ибо Господь благ..." (Пс.134.3), таково логичское завершение мысли псалмопевца о свободе человеческой воли. Хвала есть признак свободы, и поэтому вполне естественно, что Книга Хвалений, во-первых, наполнена хвалой.

Так как Псалтирь, образно говоря, — "книга вертикальная", то есть книга, направленная, главным образом, от человека к Богу и от Бога к человеку, то понятно, что попытка дать образ Бога и Его величие приводит к тому, что слова умножаются и возвышаются в порыве благочестивого восторга. Вся даксология, но в особенности Хвала, как высшая форма словословия, более теоцентрична, чем благодарение. Тема благодарения также занимает много места в псалмах, но благодарение, как правило, сосредотачивается в ответе на Божии дары и благодеяния (Пс.141.7), в то время как хвала ближе к поклонению, к экстазу. Она растворяется в Боге, и, как правило, не имеет конкретного содержания. Если благодарение воспевае Бога за то, что Он дал человеку, то хвала воспевае Его потому, что Он — Бог (Пс.144.3; 103.1).

Собственно, о каких бы атрибутах Бога не упоминалось в псалмах, эти слова дышат свежестью и хвалой. Когда псалмопевцы говорят о благости Ягве и Его правде (Пс.144.6), Его благодеяния (Пс.70.15), Его спасении (Пс.9.15), Его милости и истине (Пс.88.2), вспоминая о Его силе (Пс.28.4), Его освобождающем узников суде (Пс.145.7), Его чудесах (Пс.95.3), о всех Его делах (Пс.91.5), охватывает восторг: чистейший и благочестивейший, который соединяет их с Богом.

Взрыв хвалы охватывает избранный народ (Пс.112.1), и в этом отношении показательны все псалмы царства (Пс.91-99). Хвала захватывает не только Израиль, но и язычников (Пс.116.1), и, приобретая вселенский характер, распространяется даже на природу: "Да рукоплещут реки; да ликуют вместе горы..." (Пс.97.8), а вскоре приобщает к этому хору все поднебесные силы: "Хвалите Его, все Ангелы Его, хвалите Его, все воинства Его" (Пс.148.2). Так в Псалтири начинают звучать эсхатологические нотки.

Главная эсхатологическая тема Псалтири не отличается от набора стандартных понятий этой области богословия Ветхого Завета. Прежде всего

бросается в глаза, что Книга Хвалений описывает историю не как бесконечно возобновляющийся цикл, но как движение вперед с особыми временами посещения Господа и окончательным Его воцарением. День Ягве — это день суда и гнева, день наказания грешников и всех врагов Божьих: «...*Бог сокрушит голову врагов Своих, волосатое темя закоснелого в своих беззакониях*» (Пс.67.22). С другой стороны — это день отрады для праведных: «*Вот врата Господа; праведные войдут в них*» (Пс.117.20). Причем, в отличие от первоначальных иудаистских представлений, ограничивающих День Ягве только Израилем, эсхатология Псалтири указывает, что Господь будет принят, как Судья всей земли (Пс.93.2; 95.13). Псалмы царства превращают эту надежду в молитву, взывая к Богу об отмщении (Пс.93) или возвещая Его царствование (Пс.95-98).

Тема загробной жизни — одна из самых загадочных тем Книги Хвалений. Жизнь после смерти в этой книге, как и во всем Ветхом Завете, покрыта тайной. Поэтому псалмопевец непонимающе вопрошает Бога: «*...во гробе будет слышать Тебя?*» (Пс.6.6) или: «*Что пользы в крови моей, когда я сойду в могилу? будет ли прах славить Тебя? будет ли возвещать истину Твою?*» (Пс.29.10). Эти вопросы до недавнего времени рассматривались критическим богословием как свидетельство отсутствия в Израиле веры в загробную жизнь и представления о жизни после жизни только как о понятии о небытии.

Тема небытия, действительно, повторяется в псалмах многократно, возможно, выражая то учение, которое позднее проповедовали саддукеи, не верившие в загробную жизнь и замещавшие идею личного бессмертия идеей бессмертия рода (что неожиданно совпадает с генетической теорией Вейсмана, разделяющего человеческое тело на смертную «сому» и бессмертную зародышевую плазму, в трактовке Зигмунда Фрейда (1969)). В псалмах это выражено идеей вечной жизни Израиля как нации и непресекающейся генеалогии псалмопевца, т.е. идеей непрерывного продолжения рода. С другой стороны, как отмечают некоторые исследователи: «Следует помнить, что увековечение своего имени в потомстве — это тоже концепция непрерывного пребывания» (А.Руодс, 1991).

Пророкам Ветхого Завета не было открыто конкретное видение места пребывания душ после смерти. Вместо привычных для нашего традиционного религиозного мышления картин рая и ада Псалтирь описывает некое царство мертвых — Шеол, страну молчания, забвения и истления, место, удаленное от присутствия живого Бога, населенное теми, кто уже никогда не смогут восславить Его, о которых Господь уже более не вспоминает.

А.Руодс считает пребывание в Шеоле не «абсолютным небытием», а более слабой формой жизни, бесцельной, не приносящей пользы формой существования. На этом безрадостном фоне еще более ярко звучат строки, в которых твердо выражена надежда на избавление от власти Шеола, как в псалме 15: «*Ты не оставишь души моей в аде (в Шеоле), не дашь святому Твоему увидеть тление*». В псалме 138 псалмопевец утверждает, что даже если он постелит себе постель в Шеоле, то и там не укроется от присутствия Бога. Н.Н.Guthrie (1966) считает, что особо демонстративно идея вечной жизни и загробного воздаяния проявляется в псалме 47 (48), в котором псалмопевец говорит, что нечестивцев запрут, как овец, в Шеоле и приставят к ним пастухом смерть, а праведник будет избавлен от власти Шеола и принят Господом.

Однако внимательный взгляд на текст псалмов позволяет понять основу составившую учение фарисеев о воскресении мертвых. Более десятка раз повторяется в Псалтири слово "вечно" в форме прилагательного и наречия, относящегося к личности псалмопевца: "Да живу я вечно в жилище Твоем..." (Пс.60.5); "...буду славить Тебя вечно" (Пс.29.13); "...Да пребудет он вечно пред Богом..." (Пс.60.8) и др. Подобные однозначные утверждения в пророческой книге не позволяют отнести все это на счет поэтических преувеличений псалмопевца или возвышенного и образного языка этой книги; они определенно вселяют светлую надежду воскресения. Не напрасно псалмопевец восторженно восклицает: "...преклонятся пред Ним все нисходящие в персть и не могущие сохранить жизни своей" (Пс.21.30). Таким образом утверждается мажорная нота псалмов, вселяющая уверенность в будущей жизни: "Уклоняйся от зла, и делай добро, и будешь жить вовек" (Пс.36.27); "...блаженство в деснице Твоей во-век..." (Пс.15.11). "...имя Твое будем прославлять вовек" (Пс.43.9).

9. ТРУДНЫЕ МЕСТА В БОГОСЛОВИИ ПСАЛТИРИ

В тексте Псалтири (как и в других книгах Ветхого Завета) немало "трудных проблем", которые невозможно игнорировать. Быть может, наиболее трудной в богословском отношении является идея "иных богов", которые подчиняются Господу, которые судимы Им, обличаемы и наказуемы Им. И все же, при таком подходе, Господь, Ягве, это Бог богов. Он – самый могущественный. Но Он – не единственный. Замена слова "боги" на слово "ангелы" или "духи" в некоторых переводах Псалтири позволяет безболезненно пройти мимо этой проблемы, не пытаясь решить ее. Но классический русский Синодальный перевод Библии не прибегает к косметике. Как считают некоторые исследователи, он оставляет нас в размышлении о том пути к истинному единобожию, который проложил еврейский народ, прежде чем в религиозном сознании окончательно утвердился взгляд на Ягве, как на Единого и Единственного ("Ибо боги народов – идолы, а Господь небеса сотворил!") (Н.С.Leupold, 1961, W.O.E.Oesterley, 1939). Но, с другой стороны, проблема "иных богов" подводит нас к серьезному изучению духовной сущности идолов, в тени которых прячутся бесы. Не потому ли Богу так ненавистно идолопоклонство, что, как заметил Ап.Павел, "...язычники, принося жертвы, приносят бесам, а не Богу; но я не хочу, чтобы вы были в общении с бесами" (1Кор.10.20)?

Считается, что с идеей "иных богов" связано появление в Книге Хвалений духовных существ – ангелов, с одной стороны, демонов – с другой. Само по себе слово "ангел" греческого происхождения и полностью соответствует еврейскому "malakh", т.е. "вестник". Слово "дух" (евр. "ruah") обозначает также "ветер". Поэтому строчка "Ты творишь ангелами Твоими духов..." (Пс.103.4) вполне может быть переведена и как "делающий вестниками Своими ветра", что не подразумевает каких-либо особых духовных существ. В некоторых местах, как указано выше, еврейские издания "замещают" словом "ангелы" слово "боги". Слово "демоны" употребляется

по отношению к идолам Ханаана, которым изменившие Ягве евреи, приносили в жертву собственных детей. Не здесь ли одно из возможных решений проблемы «иных богов» — «духов злобы поднебесной»? По крайней мере, в большинстве случаев «иные боги» Псалтири — носители зла.

Ангелы и демоны в Псалтири (как и в большинстве книг Ветхого Завета) описаны не так ярко, как в новозаветных книгах. Вероятно, Богу неужгодно было в то время открыть эту истину достаточно полно, а богословская концепция сверхъестественных существ была разработана иудейскими учителями уже после написания псалмов, хотя никто не сомневается, что вера в ангелов и демонов жила среди иудеев с незапамятных времен.*

Очень трудны для восприятия современным читателем, особенно верующим христианином, псалмы-проклятия, а также псалмы, в которых выражается торжество над поверженным врагом. Многие из протестантских комментаторов (например, Б.Геце, 1939) убеждены, что эти псалмы навсегда остались в прошлом и «не могут найти отзвука в сердце христианина». Помещая полный текст Псалтири в «The Book of Alternative Service of Anglican Church of Canada», редакторы оговаривают, что псалмы-проклятия публикуются исключительно для сохранения канонического текста книги, но не должны использоваться в общественном богослужении. В более ранних изданиях «The Book of Common Prayer» (1985) эти псалмы попросту не приводились. Таким образом, осуществлялось своеобразное «цензурирование» Библии.

Иногда выход видится в аллегорическом истолковании смысла псалмов-проклятий. Врагами являются не люди, но наши собственные грехи. Именно грехи — младенцы «дочери Вавилона», чьи головы должны быть разбиты о камень. Либо речь идет не о наших врагах, но о врагах Господа, к которым у нас не должно быть снисхождения. «Чтение этих псалмов может охранить от теплохладности, возбуждая нашу ненависть не против грешников, но против зла и греха» (Библия, Брюссель, «Жизнь с Богом», 1983).

Следует отметить, что в самом насыщенном проклятиями псалме 108(109) существует вариант прочтения, согласно которому псаломпевец не произносит проклятия, но сообщает Богу о том, какие проклятия он слышит от своих врагов.

10. ПОЭТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ КНИГИ ХВАЛЕНИЙ

Верующий человек — христианин ли, иудей ли — будет искать в текстах псалмов прежде всего молитву, диалог человека и Бога. Агностик скажет, что перед ним — образцы древнееврейской поэзии со следами египетских и ханаанских влияний. Человеку, далекому от религии и культурологических проблем, псалмы могут показаться глубоко чуждыми, архаичными текстами, подчас жесткими, если не жестокими. Что ж, такими и были библейские времена. Но никто не сможет отрицать высоких худо-

* О сверхъестественных существах в Псалтири см., в частности, W.O.E. Oesterley, 1937, 1939.

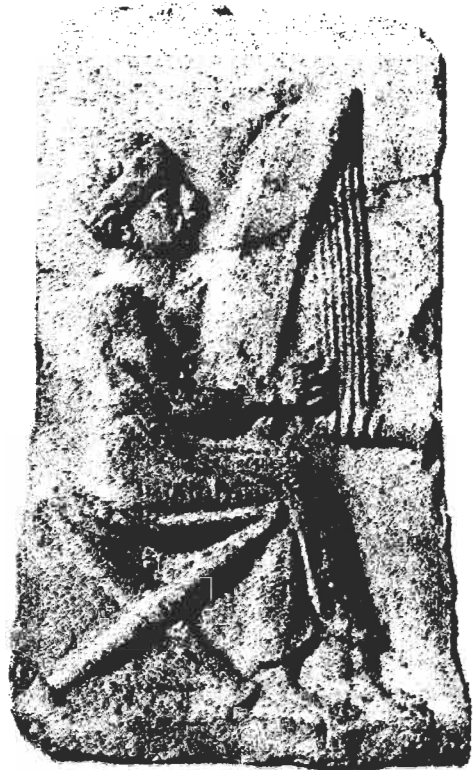
жественных достоинств древнееврейской духовной поэзии. Многочисленные в библейских текстологических исследованиях начала двадцатого века поиски «нееврейских» источников Книги Хвалений привели к парадоксальному результату: уникальность ее стала еще более очевидна. В поисках заимствований был свой «резон»: для гиперкритиков, а позднее — и для атеистически настроенных текстологов было более чем желательно низвести библейские тексты до уровня «просто литературы» явления, характерного для своего времени и понятного только в историческом контексте (И. Дьяконов, 1973). С еврейскими псалмами сопоставлялись древнеегипетские, вавилонские и угаритские (ханаанские) религиозные тексты, которые лишь весьма отдаленно могли напомнить о Книге Хвалений. Возьмем хотя бы несколько подобных примеров. Вот древнеегипетская «Песня урожая»:

Молотите для себя,
молотите для себя,
солома — для корма,
не утомляйтесь,

молотите для себя, о волю,
молотите для себя,
зерно — для хозяина,
воздух прохладен.

Здесь усматривается сходство с формальными характеристиками еврейской поэтики. Но, фактически, вместо параллелизма в данном тексте присутствует многократное повторение одного и того же текста. Лишь третья строка соответствует формуле «abc — a'b'c'».

И уж совсем неуместным выглядит сопоставление текстов псалмов с вавилонским эпосом о битве Мардука и Тиамат. Героиня эпоса была уловлена в сеть, затем Мардук заставил ветер войти в ее раскрытый рот так, что Тиамат не могла закрыть его. Ветер наполнил ее желудок, ее сердце было подавлено, а рот — широко раскрыт; он воткнул свою пику, разверз ее чрево, расчленил ее изнутри, пронзил ее сердце, победив ее, он уничтожил ее жизнь, отбросил ее труп и стал на него ногой... Далее бог-победитель приступил к расчленению тела

Илл. 5. Музыкант. Рельеф, начало второго тысячелетия до Р.Х. Ассирия.

поверженной богини и сотворению мира из частей ее тела... Разумеется, данный текст имеет аналоги, но они, скорее, относятся к индуистской традиции и олицетворяют собою одно из архетипических представлений (творение как расчленение единого). Другие примеры древнеегипетских текстов более впечатляющи, особенно тексты хвалений в честь богов Египта, а также гимны «воцарения».

«Придите, воскликните, о боги страны,
 Придите, возрадуйтесь, люди и народы!
 Придите, воспойте в радости сердца,
 Гор восходит на свой престол!
 Он освежит опустошенных,
 он возвеселит сердца отверженных,
 он спасет всех людей».

И тем не менее, даже здесь можно говорить скорее о сходстве темы, чем о прямых текстологических заимствованиях. Ситуация воцарения и поклонения достаточно стандартна и описывается сходными словами. Невозможно совершенно отрицать тот факт, что некоторые отрывки из Книги Хвалений могут быть лучше поняты в контексте культурных традиций Ханаана. Библия прямо говорит нам о том, что один из руководителей певческих коллегий во время царя Давида — Идифун (Этан, Йедитун) — был «эзрахи» (хананеянин). Новые данные о соотношении поэзии Ханаана и Израиля были получены после находок в современной Сирии (Рас Шамра). Особенно яркими являются параллели между обнаруженными текстами и псалмами 28, 67, 73 и 81, благодаря которым Н. L. Geensberg (1936) доказывал наличие общих структурных элементов в ханаанской и еврейской поэзии.

Приведем пример:

«Возри на врагов твоих, о Ваал,
 возри на врагов, и ты сокрушишь их,
 возри, ты поразишь твоих врагов,
 покоришь твое вечное царство,
 твое владычество продлится вечно!»*

Аналог этим строкам можно прочесть в псалме 91:10:
 Ибо вот, враги Твои, Господи,
 вот, враги Твои гибнут,
 рассыпаются беззаконники!

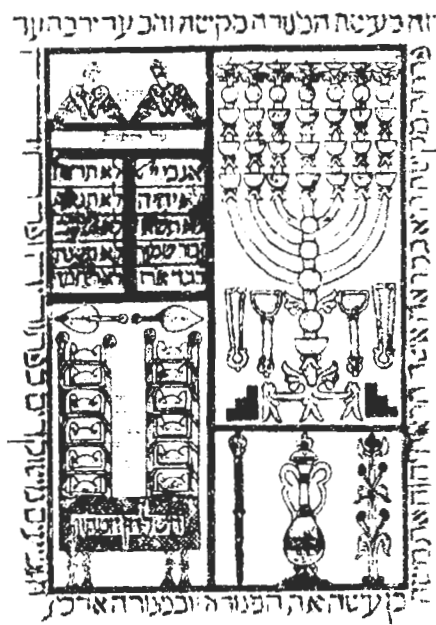
Для нас подобное сопоставление выявляет, что при несомненном сходстве элементов — кирпичиков, из которых построены образцы религиозной поэзии Ханаана и Израиля, еще более поражает различие того, что построено из этих элементов. Высоким, величественным зданием возвышается Книга Хвалений над громоздкими, перегруженными, упрощенными постройками восточного язычества.

* Данные тексты приводятся по изданию: «Documents of Old Testament Time», trans. and ed. by D. Winton Thomas. N. Y., Harper and Row, 1961.

11. ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ И ПРОБЛЕМЫ

Два основных текстологических источника для переводов и переложений Псалтири — это так называемый Массоретский («массора» — традиция) древнееврейский текст, подготовленный учеными раввинами (массоретами) на основании тщательного редактирования Священных Книг и их отбора, преимущественно по принципу древности (окончательная канонизация еврейской Библии — «Танах» — состоялась в 90 г. по Р.Х. на совете Иамнии) и греческий текст «семидесяти толковников» (LXX, Септуагинта), выполнивших перевод по заказу египетского царя Птолемея Филадельфийского в третьем веке до Р.Х. для использования в Александрийской библиотеке. Практически же перевод Семидесяти способствовал распространению текста Священного Писания в среде эллинизированных евреев диаспоры, утративших знание древнееврейского языка, но сохранивших религиозные убеждения. В евангельские времена именно Септуагинта была распространена в самой Святой Земле, так же как и арамейская версия Библии — Таргум. Иудейские авторы — такие, как Филон и Иосиф — пользовались исключительно греческим переводом. Новозаветные авторы также цитируют Библию, в основном, согласно Септуагинте (Roberts, B.J., 1951). Во втором веке по Р.Х. иудейская церковь прекратила использовать перевод Семидесяти во многом именно потому, что этот перевод был усвоен христианами. А позднее один из учеников рабби Акибы (2 век по Р.Х.), прек-президент Аквилла создал иной, соответствующий раввинистической традиции перевод Танах на греческий язык.

Церковно-славянская Псалтирь — это дословный перевод греческого текста. Канонический русский перевод (Синодальный), выполненный в середине прошлого столетия, использует, в основном, древнееврейский текст, иногда указывая варианты перевода Семидесяти. Некоторые богословы считают, что греческий перевод Библии (в частности, Псалтири) — более надежный источник, ибо отличается несомненной древностью, в отличие от Массоретского кодекса, сформировавшегося уже в конце первого столетия по Р.Х. и испытавшего влияние полемики между иудеями и христианами (см. "Orthodox Study Bible", 1993). Рукописи Септуагинты на несколько веков

Илл. 6. Рукопись Массоретского кодекса.

древнее рукописей древнееврейского, массоретского кодекса. Тем не менее, все текстологические исследования последних столетий, начиная с периода Возрождения, базируются на древнееврейском тексте. Следует признать, что этот текст дошел до нас в прекрасном состоянии. Лишь некоторые «темные места» можно объяснить порчей текста, в основном же они — следствие естественного ограничения знаний наших современников в области древнего языка; очевидно, даже авторы перевода Семидесяти сталкивались с затруднениями подобного рода (см. Н.С.Leupold, 1961). В последние десятилетия «свитки Мертвого моря» дали реальные доказательства того, насколько бережно сохранила традиция священные тексты. Более того, был обнаружен еврейский оригинал 151 псалма, каноничность которого ранее отрицалась, и во всех изданиях русской Библии имелось примечание: «У евреев этого псалма нет, он переведен с греческого» (J.A.Sanders, 1965).

Здесь уместно напомнить, что нумерация псалмов в массоретском и греческом вариантах Библии не совпадает. Поскольку читателю могут попасть в руки различные варианты Библии, в которых нумерация псалмов базируется на греческом (русская Библия) либо древнееврейском варианте (украинская Библия, практически все английские переводы Священного Писания), приведем таблицу соответствия нумерации псалмов.

Еврейский текст	Греческий текст
1-8	1-8
9-10	9
11-113	10-112
114-115	113
116:1-9	114
116:10-19	115
117-146	116-145
147:1-11	146
147:12-20	147
148-150	148-150

12. РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ И ПЕРЕЛОЖЕНИЯ ПСАЛТИРИ

Русский читатель имеет возможность познакомиться как с каноническими текстами псалмов в Синодальном переводе, так и с вариантами перевода, строго базирующимися на еврейской традиции, которые были выполнены в середине прошлого и в восьмидесятые годы нынешнего столетия. Русские переводы, принадлежащие к иудейской традиции, многочисленны и, как правило, ориентированы на «буквалистское прочтение» текстов псалмов. Из многочисленности переводов не следует, что отношение к Книге Хвалений в иудейской традиции более «легкое», просто иудаизм знает лишь один канонический текст — древнееврейский, а потому никакой перевод на иностранный язык (в том числе и русский) не является, с точки зрения иудея, чем-то священным (как, например, боговдохновенный перевод Библии на церковно-славянский язык, выполненный св.Кириллом и Мефодием, для православного христианина). Признание каноническим только церковно-славянского перевода, выполненного с Септуагинты,

привело к тому, что некоторые переводы Псалтири на русский язык делались, в отличие от Синодального перевода, с греческого текста (например, переводы Порфирия Успенского, 1893 г. и П. Юнгера, 1915 г.). Недавно предпринята попытка перевода Псалтири с церковно-славянского на русский для того, чтобы сохранить поэтические особенности псалмов в том виде, в каком они веками существовали на Руси (Бирукова Е.Н. и Бируков И.Н., 1994 г.). Отличительной чертой переводов псалмов, принадлежащих к иудейской традиции, является приближение фонетики древнееврейских имен собственных к оригинальному звучанию, как в трехтомном издании Танах (1977) и подборках псалмов в различных билингвальных (иврит-русских) молитвенниках (см. «Мазхор»).

«С той антологией библейской религиозной лирики, которую в старые времена называли Давидовой Псалтирью, как у европейской, так и специально у русской поэзии совсем особые отношения. Перечислить хотя бы важнейшие «переложения» и подражания невысказано», — пишет академик Сергей Аверинцев (1988). И действительно, как богата традиция «нецерковных» поэтических переложений Псалтири: фольклорные мотивы (пословицы, народные «псалмы», духовные стихи), силлабические переложения Симеона Полоцкого, знаменитые стихотворения Ломоносова и Державина, Языкова; прекрасные переводы псалмов на украинский язык выполненные Тарасом Шевченко; некоторые поэтические версии псалмов пришедшие в русскую поэзию как переводы из крупных европейских поэтов (например, Г.Гейне). Многократно к Псалтири обращались и неофициальные «самиздатские авторы» бывшего СССР, выражая таким образом не только личную религиозность, но и протест против идеологического диктата. В последние десятилетия мы прочли переложения псалмов Наума Гребнева и Сергея Аверинцева.

Нецерковные авторы, обращающиеся к Книге Хвалений, ставили различные задачи. Ломоносова вдохновляло величие Творения, Державина — божественная справедливость. Языков сравнивает псалмопевца с праведником, которого вдохновение наделяет крыльями орла. Известен эксперимент трех наиболее выдающихся российских поэтов восемнадцатого века — Ломоносова, Тредиаковского и Сумарокова, которые выполнили переложение 143 псалма, используя ямб и хорей, а затем (1752) опубликовали свои переложения отдельной книжкой вместе с прозаическим текстом псалма. Своих имен авторы не указали, но анонимность была позднее нарушена Тредиаковским. Кстати, последний работал над полным сводом переложений псалмов, хотя так и не опубликовал эту книгу. Совершенно особняком в общем ряду стоит переводческая работа Сергея Аверинцева — кропотливый и, в то же время, вдохновенный труд литератора и ученого, стремящегося найти максимально точный эквивалент в русском языке каждому слову псалмов. При этом часть своих переводов С.Аверинцев выполнил с греческого текста LXX, сознательно используя славянизмы для того, чтобы показать преемственность греческой и русской культур (1989).

К настоящему изданию предлагается небольшая антология «Псалмы в русской поэзии», которая не претендует на полноту, но все же позволит читателю самостоятельно оценить то влияние, которое Псалтирь оказала на российскую словесность.

13. ПОЭТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПСАЛМОВ

Автор настоящего переложения руководствовался тремя принципами: максимальным уважением к древнему священному тексту, стремлением приблизить язык псалмов к современному русскому языку, иногда прибегая к употреблению сильных идиоматических выражений (например, “пропади пропадом”, “днем с огнем не сыскать”). И все же главным принципом данного переложения была необходимость вернуть псалмам те поэтические свойства, которые были отняты у них переводом по принципу “слово в слово”. Прежде всего — ритм. В древнееврейской литературе ритмизация была “...признаком того, что автор ставит перед собою художественные задачи” (И. Дьяконов, 1973). Часть книг Библии написана ритмизованной прозой. Тем более важен ритм в чисто поэтических книгах.

В ранние века христианства как иудейские авторы (Филон и Иосиф), так и христианские (Ориген и Иероним) отмечали, что в Святом Писании присутствует ритм, как и в греческой поэзии. Однако позднее утвердилось мнение о том, что принципиальной разницы между прозой и поэзией в Библии нет. Каковы причины подобного заблуждения? W. Davies (1930) считает, что таких причин — две. С учетом того, что Библия есть Откровение Божие, исследователей всегда привлекало содержание, а не форма текста. Вторая причина — невыявленность поэтических свойств библейской поэзии. Как бы то ни было, наиболее популярные переводы Библии в ранней Церкви нивелировали различие между прозой и поэзией. Лишь в последнее столетие большинство изданий Библии выделяет поэтический текст с помощью разбивки на строки. Это, впрочем, не относится к русской Библии. Лишь брюссельское издание Библии — исключение, в остальных изданиях разделение поэтических текстов на строки не проведено. Тем более переводчики не ставили перед собой задачи выявления и сохранения оригинального ритма поэтических текстов Библии. Но, несмотря на это, поэзия все же оставалась поэзией!

Ритм в библейской поэзии логически обоснован, он заложен в структуре высказывания. Сохраняя логические структуры древнееврейского текста, переводчики сохранили его поэтику в значительной степени. Быть может поэтому традиция псалмопения не прерывалась в христианском мире нигде и никогда. Интересно, что церковно-славянский текст псалмов в большей степени, чем текст Синодального перевода, сохраняет ритмическую основу. Но даже в прозаическом Синодальном переводе библейский ритм иногда проявляется в полной мере:

“Закон Господа совершен,	укрепляет душу;
откровение Господа верно,	умудряет простых.
Повеления Господа праведны,	веселят сердце....” (Пс. 18.8,9).

Именно таким и был ритм в древнееврейской поэзии: считались только ударения в значимых словах, при этом каждая строка естественно распадалась на две части — два и два слова, три и два слова, как в приведенном примере. Для того, чтобы читатель мог почувствовать ритм и фонетику оригинала, мы предлагаем транскрипции нескольких стихов из древнееврейского текста (по W. O. E. Oesterley, 1937).

"Noda bihudah Elohim
"Ведом в Иудее Бог,

Be'israel gadol shemo" —
в Израиле велико Его имя"
(Пс.75 (76),1).

Данный пример иллюстрирует ритм типа — 3 + 3 (значимых слова).

"Leka yom 'ap-leka layelah'
Attah hizzabta kol-gebuloth'
— "Твой — день и Твоя — ночь;
Ты установил все пределы земли,

attah hakinitha ma'or washamesh
arez qaiz washoreph attah yezartam"
Ты уготовал светила и солнце;
лето и зиму Ты учредил".

Здесь ритмическая формула — 4 + 4.

Одной из особенностей древнееврейского языка является то, что ударения чаще всего надают на последний слог. Поэтому, с точки зрения современной метрологии, библейский ритм может показаться несколько странной комбинацией анапеста и ямба. Это было отмечено еще Franz Delitzsch (1894), а также и в более поздних исследованиях (Mowinkel S., 1962).

При всей важности ритма для древнееврейской поэзии его не следует возводить в абсолют. Некоторые комментаторы считают, что если какая-то строка выбивается из ритма, то это свидетельствует о порче текста при переписке, либо строка представляет собою прозаический комментарий к поэтическому тексту. Это, конечно, преувеличение. Ритм в псалмах достаточно свободный. Не случайно перевод Псалтири, выполненный Гердером, сыграл огромную роль в формировании европейского свободного стиха. Однако не только смысловой ритм определяет поэтику Книги Хвалений. Среди иных особенностей — прежде всего различные виды параллелизма: синонимический, антитетический, синтетический. Термин "параллелизм" был введен в конце восемнадцатого века английским епископом Робертом Лаутом (R.Lowth, "De Sacra Poesi Hebraeorum Praelectiones Academicae", 1753) и ныне является общеупотребительным.

Синонимический параллелизм предполагает смысловую созвучность первой и второй части стиха, строки лишь несколько варьируют, благодаря чему усиливается эмоциональное воздействие текста. Иногда вторая часть стиха конкретизирует первую, разъясняет либо развивает ее:

"Глас Господень над водами,
Бог Славы гремит,
Господь над водами многими!
Глас Господень исполнен силы,
исполнен величия Глас Господень!"
(Пс.28.3,4)

Антитетический параллелизм — противоположность первой и второй части стиха (Пс.1.6):

Наблюдает Господь путь праведных, но путь безбожных - погибнет!

Синтетический параллелизм — поэтический прием, при котором вторая часть стиха продолжает мысль первой, усиливая ее (Пс.2.6):

Я ставлю царя над Сионом, над святою горою Моею.

Выделяют полный и неполный типы параллелизма. При полном параллелизме каждому элементу первой части стиха соответствует элемент во второй. Логическая схема полного параллелизма выражается следующей формулой:

a b c a' b' c'

Несколько иных видов параллелизма было описано в начале двадцатого века (С.А. Briggs, "A Critical and Exegetical Commentary on the Book of Psalms", 1907). Эмблематический параллелизм включает в себя элемент сопоставления, метафоры (Пс.102.13):

Как отец милует детей, так Господь милует набожных.

Ступенчатый параллелизм — повторение части первой половины стиха с добавлением нового элемента (Пс.28.5):

Глас Господень крушит кедры, расщепляет кедры Ливанские.

Интровертированный параллелизм прослеживается на уровне строфы, где первая и последняя строки параллельны, а промежуточные соответствуют одна другой.

“Беззаконники, прочь от меня!
Ибо плач мой услышал Господь,
слышит Господь голос мой,
примет Господь молитву мою.
Да постыдятся мои враги...” (Пс.6.9-11)

Различные типы неполного параллелизма описаны в классической монографии W.O.E.Oesterley (1939), однако они представляют исключительно специальный интерес. По мнению этого автора, с учетом ритмической и смысловой организации текстов псалмов, их не следует записывать ни в виде прозаического текста, ни в виде строк, в той или иной мере передающих ритм, как делаем мы в настоящем переложении. Oesterley располагает тексты так, чтобы параллельные смысловые структуры выявлялись наиболее четко. В этом он следует традиции некоторых древних манускриптов. Такой стиль чрезвычайно интересен, хотя и не облегчает прочтение псалмов. Поэтому мы приводим всего лишь один текст (псалом 2), записанный в соответствии с концепцией Oesterley.

Совершенно ясно, что ритм и параллелизм взаимосвязаны, поскольку

Зачем бунтуют народы,	племена замышляют пустое?
Цари земные восстали,	князья заключили союз,
Совещаются против Господа,	против Христа Его: 1) ахко это
“Расторгнем узы их,	сбросим оковы их!”
Небесный смеется над ними,	они — посмешище Господу!

Он возгласит во гневе, ярость Его приведет народы в смятение:

“Я ставлю Царя над Сионом, над святою горою Моею!”

Возвещаю определение:

так говорит Господь:

“Ты — Сын Мой,
ныне рожденный Мною.

Проси, и отдам Тебе

народы в наследие,

пределы земли - во владение.

Сокрушишь их железным жезлом,

разобьешь, как сосуд гончара.

Итак, образумьтесь, цари,

опомнитесь, судьи земные!

Со страхом служите Господу,

и, радуясь, - трепещите!

Перед Сыном склонитесь,

чтобы вам не погибнуть в пути,

ибо гнев Его возгорится,

не замедлит ярость Его!

Благо тем, кто Ему доверился!

Совершенно ясно, что ритм и параллелизм взаимосвязаны, поскольку аналогичная смысловая структура частей стиха предопределяет и аналогичную ритмическую организацию.

Кроме того, определенной спецификой отличается и словарь поэтических книг. Многие слова и идиоматические выражения, встречаемые в псалмах, практически не употребляются в прозаических книгах Библии. При выборе синонимов в поэтических книгах чаще употребляются сильные эпитеты. Характерен также и синтаксис (W.T.Davies, 1930; M.A.Tsevat, 1955).

Некоторые псалмы представляют из себя “акrostихи”: каждый следующий стих начинается со следующей буквы древнееврейского алфавита. Подобные “азбуки” стали традиционными в поэзии, но в нынешние времена это, скорее, иронические детские стихи (например, “Бессмысленная азбука” Эдварда Лира или “Азбука” Самуила Маршака), чем нравственные поучения, которые, в основном, и составляют содержание псалмов-акrostихов (например, 118 псалом).

В некоторых псалмах имеются рефрены-припевы. И здесь варианты многообразны: иногда рефрен абсолютно идентичен и даже переходит из псалма в псалом, как, например:

“Что ж ты скорбишь, душа,

зачем смущаешь меня?

Доверься Богу, как я

ему доверяю; Он —

помощь, поддержка мне,

Он — мой Бог” (Пс.41.6,12 и 42.5).

Иногда рефрен изменяется, в частности, к нему всякий раз добавляется строка. Наконец, в псалмах можно найти и два различных рефрена. Как рефрены, могут восприниматься и словословия-благословения, завершающие каждую из пяти книг псалмов (за исключением последней, т.к. заключительный псалом-словословие не повторяет формулу первых четырех словословий). Среди иных поэтических приемов — фонетическая игра слов, которая подчас носит “изобразительный” характер: звучание слов напоминает то, что они означают. Еще одна особенность — “выходящий ритм”. Каждый последующий

стих берет слово из предыдущего и связывает его с другим, создавая «непрерывную цепочку». Интересно, что подобный технический прием можно обнаружить и в русском народном песенном творчестве.

14. ЯЗЫК И СИМВОЛИКА ПСАЛМОВ

Обычно при изучении псалмов меньшее внимание обращается на символичность и метафоричность Книги Хвалений. Между тем, символика псалмов заслуживает особого исследования. Казалось бы, что может отстоять дальше, чем даосские тексты и Псалтирь? Но символ пути — один из центральных в Книге Хвалений, начиная с первого псалма (путь праведных и путь нечестивых). Речь идет или о жизненном пути, или о нравственном пути, но и о пути Господнем, на котором Он утверждает стопы праведника. Впрочем, стопы — также символ, как сердце, почки, мышцы. Если нога «поскользнулась» или «поколебалась» — это символ отхода человека от Господних заповедей, либо провал его земных целей. Наиболее «темным» и в то же время глубоким является упоминание о «дороге» (пути) в одном из самых известных мессианских псалмов — 109 (110):

«Из потока на пути будет пить, и потому вознесет главу».

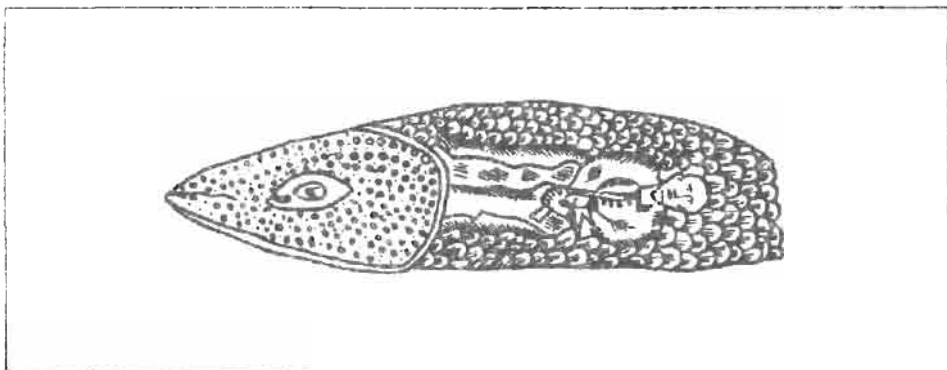
Рационалистические комментарии подчас предельно снижают символическое значение этих строк, например, указывая на возможную порчу текста в данном месте либо на традицию, согласно которой царь пьет из освященного источника во дворе Храма, и даже в корне меняя сам смысл стиха, придавая ему особую жесткость, как, например, трактует эти строки Oesterley:

«Он напоит ручьи их кровью, а потому вознесет твою главу».

При символическом прочтении финала 109 псалма отпадает всякая необходимость в рациональном объяснении текста: как символ источника, так и символ пути ясно говорят о том, что имеет в виду псалмопевец... Если подробнее остановиться на значении пространственных символов, то следует хотя бы кратко упомянуть о словах «стеснение» и «простор». Теснота символизирует тревогу, подавленность, депрессию, а простор — освобождение. Вполне реальные ситуации избавления из заточения («Выведи из темницы душу мою...» — Пс.141.7) или прорыва вражеского оцепления послужили основой для этих метафор.

В качестве символов выступают «камень» (скала), олицетворяющий твердость, надежность и защиту, и болото, трясина, топь, символизирующие опасность, ненадежность, зыбкость. Моления о том, чтобы Господь вывел псалмопевца из стеснения на простор, извлек его из трясины и утвердил на камне, имеют один и тот же смысл. Особое значение имеет символ воды. Не забудем о том, что вода в Библии (как, впрочем, и в древнегреческой философии — например, у Фалеса) — не просто вода, а некое первовещество, в известной степени — олицетворение Хаоса («Земля же

была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою» — Быт.1.2). Всемирный потоп — несостоявшееся возвращение мира в хаотическое состояние. И те воды, которые объяли псалмопевца до самой души его, — это, прежде всего, чувство отчаяния, предчувствие неминуемой гибели. Но эта же метафора в устах пророка Ионы, выброшенного в море и проглоченного китом, имеет предельно конкретный смысл!

Илл. 7. Иона во чреве кита. (Украинская рукопись 17 века).

Но вернемся к символике тела. Значению символа сердца в Библии посвящены специальные исследования. Священник Павел Флоренский (1914) пишет, что сердце обозначает «...искреннейшую часть человека, его собственную самость, место «страстей» вообще и любви особенно... Мистика церковная есть мистика груди. Но центром груди издревле считалось сердце, по крайней мере, — орган, называвшийся этим именем».

П.Д.Юркевич (1860) пишет, что Библия видит в сердце центр всей психики человека. Эта же мысль еще более ярко выражена Б.Вышеславцевым (1990, 1992): «Сердце на религиозном языке есть нечто очень точное, можно сказать математически точное, как центр круга, из которого могут исходить бесконечно различные радиусы, или световой центр, из которого могут бесконечно исходить разнообразные лучи. Библия приписывает сердцу все функции сознания: мышление, решение воли, ощущение, проявление любви, проявление совести; больше того, сердце является центром жизни вообще — физической, духовной и душевной».

Такое же значение имеет сердце и в современной культуре, поэтому значение строк Псалтири, в которых упоминается сердце, абсолютно ясно современному читателю. Можно сказать, что символика сердца имеет глубокие бессознательно-архетипические корни в психике человека. Психолог Р.Мейли, ссылаясь на работы Клапареда, называет чувство «Я» точечным и отмечает, что много испытуемых локализируют это чувство в области сердца (1975).

Иное дело — почки, символ нравственного в человеке (впрочем, анатомическая функция почек — очищение организма — вполне соответствует значению этого символа). И тем не менее, трудно представить себе благочестивого читателя, читающего строки: «Благословен Ты, Господь, мой

советник! Даже в ночи почки мои поучают меня” без улыбки. Это понимали и авторы Синодального перевода, употребившие вместо слова “почки” слово “внутренность”. Но поскольку в современном русском языке нет телесного символа, который представляет совесть, мы предпочитаем, перелагая псалмы современным русским языком, “уйти” от телесной символики: “Даже в ночи совесть моя поучает меня”.

Точно так же и рог, символ силы и мощи у древних иудеев, приобрел в русском языке иное значение; строки “...потому избодаем рогами врагов наших” явно могут быть восприняты иронически. Мы заменяем слово “рог” словом “сила”. Однако подавляющее большинство библейских символов в данном переложении оставлено в неприкосновенности. Нельзя не отметить, что части тела человека живут как бы отдельной от него жизнью, они не интегрированы в одно “Я”. Господь наставляет на Свой путь не самого псалмопевца, но его ноги, Он не дает поскользнуться стопе праведного. “Все кости мои да скажут: Господи! кто подобен Тебе?” — восклицает псалмопевец. “Расплывь (т.е. испытай) внутренности мои и сердце мое!” — молит он Господа. Стоит ли удивляться тому, что псалмопевец ведет диалог со своей душой: “Благослови, душа моя, Господа...” или “Что ж ты скорбишь, душа, зачем смущаешь меня?” Этот способ выражения присутствует и в иных библейских текстах как Ветхого, так и Нового Заветов. Так, Иов говорит, что он условился со своими глазами, чтобы не помышлять ему о девице. И в течение трех тысячелетий этот художественный прием — диалог поэта со своим сердцем, со своею душой, со своими глазами — закономерно встречается в мировой поэзии.

Илл. 8. Праведник “сокрушает рог” грешным.
 (“Хлудовская Псалтирь”).

Иным интересным типом метафоры, который встречается в Псалтири, является уподобление эмоциональных состояний и свойств человека (а иногда и Бога) одеянию или умушению. Господь облачается в силу и подпоясывается. Враги Господа облачаются в стыд или в проклятие. Праведника Бог облачает в радость. Особенно велико символическое значение пояса (возможно потому, что на пояс носили меч). Другим аспектом символа одежды является непостоянство. Одежда ветшает, ее меняют. В этом смысле вся Вселенная — не более чем временная, глениная одежда Всевышнего.

15. ОБРАЗЫ ЖИВОТНЫХ И РАСТЕНИЙ В ПСАЛТИРИ

Несколько слов следует сказать и об образах животных в Псалтири. Чаще всего животные, птицы и рыбы — собственность и творение Божие, переданное Им под власть человека. Псалмопевец откровенно любуется красотой животного мира, его многообразием. И в иллюстрациях к средневековым рукописям Псалтири миниатюры, изображающие животных и птиц, — подлинные шедевры! Иногда поэтическое вдохновение псалмопевца нивелирует разницу между человеком и животным. Птенцы ворона и лвятя молят Бога о пропитании, и Господь насыщает их. Все, что дышит, да хвалит Господа! Да восславят Его небеса и земля, море и все, что движется в нем! Этот согласный хор хваления, в котором человек, животные, птицы и рыбы морские славят Творца, — один из ярчайших образов Псалтири.

Но нас особенно интересует символическое, метафорическое значение животных. Прежде всего, животные символически связаны с человеком. Человеческая душа уподобляется птице, которая должна лететь на свою гору. Она стремится к Богу, как олень стремится к роднику. Юность человека обновляется, как молодой орел. Застигнутый врагами псалмопевец просит для себя крылья, как у голубя, чтобы удалиться от вихря, от сильной бури. Таких примеров — десятки! Овцы — чаще всего символ народа. *«Господь вел Иосифа (т.е. народ Израиля), как отару. Мы — Твоего пастбища овцы»*. Каждый человек в отдельности также может быть метафорически уподоблен ягненку. *«Я заблудился, как отбившийся ягненок. Господь — мой пастырь, я ни в чем не буду нуждаться!»* Но и скопище нечестивцев может быть уподоблено стаду овец. Их, как овец, запрут в Шеоле, смерть будет приставлена к ним пастухом! Интересно, что иллюстратор «Киевской Псалтири» изображает эту метафору иначе, чем текст псалма. Грешники на миниатюре — не овцы, но свиньи, пасущиеся у дерева.

Уподобление, выражаемое словом «как», далеко не всегда присутствует в тексте. Некоторые метафоры прямо отождествляют человека и животное. Так, чаще всего, когда грешник уподобляется хищнику, сравнение выражено ясно: *«...да не исторгнет он душу мою, как лев...», «...на голодного льва похожи они, молодого льва затавившегося...», «...они возвращаются вечером, словно псы завывают»*. Но вот «затемненная» строка: *«...обнищали лвятя, изголодались, взыскующие же Господа не знают лишения»*. В славянском переводе — *«...богатии обнищаша и взалкаша»*. Здесь, очевидно,

Илл. 9. Грешники в Шеоле
 ("Киевская Псалтирь").

пальмой, реже — пшеницей). Виноградной лозе уподобляется и народ Божий. Псалмопевец призывает Господа посетить виноградник, насажденный Его десницей, и отростки, которые Он укрепил для себя. Отростки и ответвления — потомки, дети. (*"Сыновья подобны ветвям оливкового дерева вокруг трпезы праведного"*). Рост племени Израиля уподобляется разрастанию виноградной лозы, которую Господь принес из Египта и насадил в Ханаане. Господь не только насадил Свой виноградник, но и оградил его. И в беде, постигшей Израиль, псалмопевец упрекает Господа в том, что он *"проломил ограду"*, позволил каждому прохожему *"расхищать плоды"*, принесенные виноградником. Иногда можно встретить и иные растения-символы. *"Да умножатся люди в городах, как луговая трава!"* — восклицает псалмопевец. А грешники — как трава, вырастающая на кровле, которая засыхает прежде, чем будет скошена жнецом.

Уподобления праведника дереву имеются и в египетской поэзии. Подобный пример из *"Учения Амеи-ем-оне"* приводит W.O.E. Oesterley (1939):

"Но истинно молчаливый	всегда стоит отстраненный,
уподобляется дереву,	растущему на делянке,
оно растет, зеленея,	плоды его умножаются,
оно стоит на виду у хозяина,	
его плоды сладостны,	его тень — приятна".

происходит отождествление потомков знатных, богатых людей с детенышами льва. Схожий пример: *"Разбей челюсти львов, Господи!"*

Аналогичный образ — тельцы и псы, которые окружили псалмопевца. Это, несомненно, не животные, но люди. Именно так и относится к этому символу художник, иллюстрировавший *"Киевскую Псалтирь"*. Он рисует Христа в окружении воинов с головами тельцов и псов. Как и во многих древних текстах, мы встречаемся здесь и с антропоморфизацией животных (львята молятся Богу о пропитании), и с зооморфизацией людей.

В качестве символов используются и растения. В Псалтири содержится сравнение безбожника с сорняком, а праведника — с культурным, насажденным и взращиваемым растением (чаще всего — виноградником, также оливковым деревом или

Образ дерева представляет собою один из древнейших, «архетипических», по Юнгу, символов человеческой культуры. В наиболее универсальном виде символ растущего дерева, объединяющий пространство и время, — это «Мировое дерево», «Дерево жизни», «Дерево познания» (Топоров В.Н., 1980). Отождествление дерева и человека, либо сравнение дерева с человеком десятки тысяч раз повторяется в мировой поэзии. В нем содержатся не только идея роста и развития, идея бессмертия рода (родословное дерево), но и идея прочности земного существования (укорененности), а также идея «плода». И уже в первом псалме символ дерева предстает во всей полноте. Праведник — *«...как дерево насажденное у источника водного, плодоносящее вовремя, не увянет листва его»*.

Отметим, что, как и в случае с символами-животными, символы-растения разнятся по степени отождествления. Иногда сравнение косвенное, растение прямо не упоминается. Но признаки или действия, заложенные в высказывании привносят образ растения в текст. Псалмопевец угрожает безбожнику, обладателю *«коварного языка»*, что Господь *«вырвет корни твои из земли живых»*. Или жалуется, что его *«влага иссохла, словно в засуху»*. Иногда в высказывании содержится уподобление, выражаемое словами *«как»*, *«словно»*, *«подобно»*. *«Видел я нечестивца, грозного, раздувающегося, подобно укорененному кедру ливанскому»*. И, наконец, прямое отождествление дерева и человека: *«А я во дворах Господних — зеленеющая маслина»*. Сопоставление человека и дерева имеется и в других книгах Библии — как Ветхого, так и Нового Заветов. Грозное предостережение Иоанна Предтечи: *«Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь...»* (Мф.3.10) имеет в своей основе ту же метафору.

Общий анализ символического ряда, который присутствует в Книге Хвалений, заставляет нас обратиться к литературоведческой концепции о «психологическом параллелизме» (Веселовский А.Н., 1940). Здесь речь не идет о формальном приеме, но о содержательной связи между картинами жизни природы и человеческой жизнью.

Психологический параллелизм присущ древней поэзии многих народов и до нынешнего времени прослеживается в фольклоре. Речь здесь идет не об отождествлении человека и природы и не о сравнении, которое предполагает осознание разницы между сопоставляемыми объектами. Согласно А.Н.Веселовскому, основной принцип психологического параллелизма — сопоставление на основании действия, движения как признака волевой жизнедеятельности. Первичное сопоставление влекло за собою ряд «перенесений», или «вторичных уподоблений». То есть признак, присущий одному члену параллели, переносится в другой. Применительно к обсуждаемой метафоре «человек-дерево», такими «перенесениями» является употребление слов «корни», «ветви», «плод» по отношению к человеку. Уподобление нечестивца льву порождает описание движений злодея, готовящегося «захватить» бедняка, тождественных движениям охотящегося хищника: «крадется, прилегает, прыгает».

Представляется, что психологический параллелизм является первичным феноменом, который предопределяет формальный параллелизм (parallelismus membrorum). Идея уподобления по принципу движения предполагает смысловую структуру типа: «А» действует так-то, «Б» действует так-то, и это

соответствует классической форме параллелизма! Быть может, лучший пример — украинская народная песня, предпосланная А.Н.Веселовским в качестве эпиграфа к его исследованию:

Слала заря к месяцу,
ой, месяц, товарищ,
не заходи раньше меня,
взойдем оба вместе,
осветим небо и землю.

Слала Марья к Иванку,
ой, Иванко, суженый,
не садись раньше меня,
сядем оба вместе,
развеселим отца и мать.

16. БОГОСЛОВИЕ ПОЭТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ

Обыкновенно поэтические свойства псалмов рассматриваются в отрыве от богословских проблем. Такой подход представляется глубоко неверным. Даже при самом либеральном отношении к концепции боговдохновенности Священного Писания мы не можем не думать о том, что Господь, вдохновивший псалмопевца на создание поэтического текста, НЕ СЛУЧАЙНО возвещал Свою истину посредством поэзии. Книга Хроник также возвещает истину Господню, но возвещает ее принципиально иначе. Постигание воли Божией через историю — удел немногих: это требует огромных знаний, аналитичности и отстраненности ума. Постигание Господа через поэзию — прямая дорога к сердцу человека. Те же самые истины усваиваются без интеллектуальной переработки.

Многие богословские идеи реализуются не в содержании, но в СТРУКТУРЕ поэтического текста. Тот же ритм текста — отражение РИТМА ЖИЗНИ, присущего всем творениям Божиим. Жизнь Вселенной — это чередование периодов разной продолжительности: от микроритмов до макроритмов движения звезд и планет. Ритм биения человеческого сердца, в том числе ритм биения сердца матери, сначала носящей плод ПОД СЕРДЦЕМ, а затем — ребенка У САМОГО СЕРДЦА, отзывается в ритме Псалтири.

Сам по себе параллелизм, как поэтический прием, выражает идею гармонии, идею последовательности и постоянства (синонимический); идею суда, справедливости и свободы воли (антитегический); идею развития, усложнения и даже Откровения (синтетический); мы имеем в виду ПРОЯСНЕНИЕ СМЫСЛА стиха при повторении его с модификацией. Кроме того, параллелизм выражает собою идею повторяемости, возвращения. Еще более четко говорят об идее возвращения рефрены. В тех случаях, когда рефрены модифицируются, мы вправе говорить о том, что текст выражает идею повторяемости частично: духовный опыт дает нам новые силы и новые возможности в идентичной жизненной ситуации. Рефрены появляются с первых строк Библии, сопровождая описание Творения Богом мира: *“И сказал Бог...” “И стало так...” “И увидел Бог, что это хорошо...” “И был вечер, и было утро”*.

Даже такой малочисленный в художественном отношении прием, как алфавитный акростих, сам по себе выражает идею УЧЕНИЯ, возвращает нас в детство, когда мы учили азбуку, напоминает нам о том, что мы — еще

несмышленные младенцы, которых, по Апостолу, еще рано кормить твердой духовной пищей. Именно поэтому многие дидактические псалмы (псалмы премудрости) имеют форму акrostихов.

Некоторая «разноплановость» текстов псалмов, на которую мы уже обращали внимание, на самом деле может иметь более глубокий смысл, чем обычная смена настроения. Примером может служить цитированный выше псалом 18 (19). По мнению А. Weiser (1976), текст механически объединяет два разных псалма (стихи 1-6 и 7-14), один из которых прославляет красоту и величие Творения, а второй — мудрость Закона Господня. Но именно эти два текста вместе отражают полноту Божественного Откровения — естественного, познаваемого через природу, и специфического, которое для иудея воплощено в Торе, а для христианина — во всем Священном Писании.

Достаточно просто сказать, что использование символов, отождествляющих народ Божий либо с домашними животными, либо с культурными растениями, происходит из повседневного труда народа Израиля — овецодства, выращивания пшеницы и винограда. Но в этом уподоблении заложено, как минимум, две богословских идеи. Первая из них — человек создан по подобию Божию, и его занятия подобны делам Божиим. Вторая идея — непрерывное попечение Господа о Своем наследии. Господь ведет себя с народом Своим, как рачительный хозяин виноградника, и уничтожение сорняков — неотъемлемая часть Божиего попечения о Своих людях.

Можно с ненасытностью продолжать и углублять анализ богословского значения поэтической формы «Книги Хвалений», можно рассуждать над таинственным смыслом пророческих слов, но чем больше мы углубляемся в эту книгу, тем более открывается ее сложность и необъятность, ее глубина и непостижимость, ее красота и величие. Ум смолкает, а сердце в бессознательном восторге повторяет вслед за ап. Павлом: *«О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия!»*

Борис Херсонский,
Сергей Санников

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев С. А. Арфа царя Давида. У истоков древнейшей лирической традиции. «Иностранная литература», 1988, №6, с. 189-194.
- Аверинцев С. А. Византия и Русь, два типа духовности. «Новый мир», 1989, №8.
- Библейский словарь. Под ред. Эрика Нюстрема. GmbH. World Christian Ministries., GmbH., 1976.
- Бирукова Е. Н., Бируков И. Н. Псалтирь. Новый перевод. «Литературная учеба», 1994, кн. 1, с. 3-63.
- Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., «Художественная литература», 1940.
- Вздорнов Г. И. Исследование о Киевской Псалтири. М., «Искусство», 1977.
- Вышеславцев Б. П. Сердце в христианской и индийской мистике. «Вопросы философии», 1990, №4, с. 62-65.

- Вышеславцев Б. П. Значение сердца в религии. М., «Путь», «Информ-Прогресс», 1992, с. 65-80.
- Геце Б. Библейский спутник. В кн.: «Библия». Изд. Б. Геце, 1939, с. 19.
- Глаголев А. А., Гавриловский В. М., Петровский А. В. Толкование на Псалтирь. В кн.: «Толковая Библия», т. 4, Петербург, изд. преемников А. П. Лопухина, 1907, т. 4.
- Гребнев Н., В кн.: Ковчег. Альманах еврейской культуры. М., 1991, с. 149-156.
- Достоевский Ф. М. Собрание сочинений. М., «Художественная литература», т. 3, с. 513.
- Дьяконов И. Древнееврейская литература. В кн.: «Поэзия и проза Древнего Востока». М., «Художественная литература», 1973, с. 537-550.

- Книга псалмов или Псалтирь въ переводъ съ еврейскаго текста. Вена, Издание Британскаго и иностраннаго библейскаго общества. Вена, Комментарий к Ветхому Завету. В кн.: "Библия". Брюссель, "Жизнь с Богом", 1983, с.1937. Махзор иврит-русский на Новолетие и День Искупления. "Al Tidom association". (Год не указан).
- Мейли Р. Различные аспекты "Я". В кн.: "Экспериментальная психология. Под редакцией П. Фресс и Ж.Пиаже, выпуск V". М., "Прогресс", 1975.
- Мень А., В кн.: "История религии", М., "Слово", 1992, т.2, с.348-350.
- Псалмы. Буквальный перевод. Л.И.Мандельштама, кандидата С.-Петербургскаго Университета. Второе издание. Берлинъ, 1871.
- Псалтирь в русском переводе с греческаго епископа Порфирия. С-Пб, 1893.
- Псалтирь в русском переводе с греческаго текста LXX с примечаниями П.Юнгера. Казань, 1915.
- Руодс, Арнольд Б. Комментарий к книгам Ветхого Завета. Книга псалмов. ВСБ, 1991, т.9, с. 10-19.
- Русская силлабическая поэзия XVII-XVIII вв. Л., "Советский писатель" (Ленинградское отделение), 1970, с.169.
- Творения св. Василия Великаго. С.-Пб., 1911, с.94.
- Тейллим. Перевод Давида Йосифона. В книге: "Кетувим", Мосад арав кук, Йерушалаим, 1977, с. 1-95.
- Топоров В.Н. Мировое древо. Древо жизни. В кн.: "Мифы народов мира. Энциклопедия". М., 1980, т.1, с. 396-406.
- Третьяковскій В.К. Избранные произведения. Москва-Ленинград, 1963.
- Флоренский П. Столп и Утверждение Истины. М., 1914, с.187, 267.
- Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. В кн.: "З. Фрейд. Избранное". Лондон, 1969, т.1, с.23-75.
- Чубинская В.Г. Икона Симона Ушакова "Древо Московскаго государства". В кн.: "Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительнаго искусства". Л., "Наука", 1985, с. 290-308.
- Щепкина М.В. Миниатюры Хлудовской Псалтыри. М., "Искусство", 1977.
- Юркевич П.Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека по учению Слова Божия. "Труды Киевской Духовной Академии", 1860, кн. 1, с.245-259
- Augustine. Exposition on the Book of Psalms, Nicene and Post-Nicene Fathers, edited by Philip Schaff. New York, "The Christian Literature Company", 1988.
- Barnes W.E. The Psalms. London, "Methuen & Co. Ltd.", 1931, vol. 1-2.
- Biblia Hebraica, ed. Rudolf Kittel, 3 rd.ed., A.Alt and O. Eissfeldt, 1952.
- Briggs C.A. A Critical and Exegetical Commentary on the Book of Psalms. London, 1904.
- Davies W.T. Poetry Hebrew. In: The International Standard Bible Encyclopaedia. Chicago, «The Howard-severance Company», 1930, vol.4, p. 2410-2414.
- Documents from Old Testament Times. D. Winton Thomas ed. Harper Torchbooks, 1961, p. 118 - 133.
- Delitzch F. Biblical Commentary on the Psalms. London, "Hodder and Stoughton", MDCCCXCIV, vol. 1-2.
- Guthrie H.H. Israel Sacred Songs. Seabury Press, New York, 1966.
- La Sor W.S.; Hubbard D.A.; Bush F.W. Old Testament Survey. "William B. Eerdmans Publishing Company, Grand Rapids", 1982, pp. 510-533.
- Leupold H.C. Exposition of Psalms. Augsburg Publishing Minneapolis, Minnesota, Augsburg Publishing House, 1961, p.22.
- Luther, Martin, Auslegungen ueber die Psalmen, Waich, St.Luis, Vol IV, 1895.
- Mowinckel S. The Psalms in Israel Worship. Oxford, 1962, vol. 2, pp. 159 - 179.
- Oesterley W.O.E. A Fresh Approach to the Psalms. London, "Ivor Nicholson and Watson", 1937.
- Oesterley W.O.E. The Psalms. London, "Society for Promoting of Christian Knowledge", 1939, vol. 1-2.
- Orthodox Study Bible. Nashville, Tennessee, "New Testament and Psalms, Thomas Nelson Publishers", 1993, p. 636.
- Ridderbooy N.H. The Psalms. Style and Structure. Oudtestamentische Studien, 1963, 13, p. 43-76.
- Roberts B.J. The Old Testament Texts and Versions. Cardiff, 1951.
- Sanders J.A. The Psalms Scroll of Qumran Cave II. Discoveries in the Judean Desert 4. London, 1965.
- Septuaginta. Id est Vetus Testamentum graece iusta LXX interpretes edidit Alfred Rahlfs. Deutsche Bibelgesellschaft Stuttgart., 1979
- Tehillim. Psalms. N.Y., Mesorah Publications, ltd, 1969 vol. 1-5.
- The Book of Alternative Services of the Anglican Church of Canada. Toronto, Canada, Anglican Book Centre, 1985, p. 701.
- The Book of Common Prayer. Toronto, Canada, ABC, 1962.
- The NIV Interlinear Hebrew-English Old Testament, Regency Reference Library, 1982, vol. 3, pp. 348-511.
- Tsevat M. A Study of the Language of the Biblical Psalms. Philadelphia, JBL Monograph. 1955.
- Weiser, Artur. The Psalms. A Commentary. Ninth Printing, Philadelphia, The Westminster Press, 1976.

ОТ АВТОРА ПЕРЕЛОЖЕНИЙ

Обращение к читателю с просьбой о снисхождении — прекрасная и, к сожалению, прочно забываемая традиция.

В старинных изданиях Псалтири печатники просили прощения за возможные ошибки, предлагая просвещенному читателю самому выправить их. Симеон Полоцкий во вступлении к своей «Псалтири рифмованной» просит помолиться о нем, грешном, и препоручает себя милости читателя. И в двадцатом веке Наум Гребнев просит молитв читателя, ибо намерения автора были благими. И академик Сергей Аверинцев признает, что всякий новый перевод Псалтири «...не может не быть экспериментальным».

И я, многогрешный, прошу о прощении и снисхождении, дерзая представить читателям один из возможных (или невозможных! — судить не мне) вариантов прочтения Книги Хвалений. Прочтения скорее поэтического, чем богословского.

А между тем, мне всерьез хотелось найти способ воспроизвести поэтический текст псалмов на современном русском языке, столь далеком по структуре и звучанию от оригинального языка, на котором пел пастух-царь, аккомпанируя себе на струнном инструменте, подобии арфы, известном всему миру под названием «Псалтири».

Нет, не кончились молитвы Давида, сына Иессеева!

Борис Херсонский

ПЕСНИ ВОСХОЖДЕНИЯ

Песнь восхождения

119 (120)

Я воззвал ко Господу
в скорби моей,
и Он услышал меня.

Избавь меня, Господи,
от лживых губ,
от языка коварного.
Чем Он воздаст тебе,
что сверх того прибавит
тебе, о язык коварный!
Острые стрелы сильного
с пылающими угольями.
О, горе мне горькое,
что я обитаю у Месеха,
живу у шатров Кидарских.
Слишком долго душа
моя обитала с теми,
кто ненавидит мир.
Я — человек мира,
но стоит мне слово сказать,
и тотчас они — к войне!

Песнь восхождения

120 (121)

Возвожу очи мои в горы:
откуда мне ждать подмоги?
Помощь моя — от Господа,
создавшего небо и землю.
Нет, не позволит Он
поскользнуться твоей стопе.
Не задремлет хранитель Твой!
О нет! Не заснет, не задремлет
Он, хранитель Израиля!
Господь — хранитель твой,
Господь подобен шатру
по правую руку твою;
ни луна в ночи,
ни солнце днем
не повредят тебе!
Господь от любого зла
будет беречь тебя,

Он — хранитель жизни твоей,
Приходишь ли ты, уходишь ли —
Господь сохранит тебя
и сегодня, и навсегда.

Песнь восхождения. Давида

121 (122)

Я радуюсь вместе с теми,
кто говорил мне:
“В дом Господен пойдем!”
Вот, ноги наши стоят
во вратах Твоих, Иршолаим,
Иршолаим, обустроенный
как город, слитый в одно.
Туда племена восходят,
все племена Господни,
восславить имя Господне
в согласии с тем уставом,
который дан Израилю.
Там стоят престолы суда,
престолы дома Давидова!
Просите мира Иршолаиму:
Пусть живут безопасно
те, кто любит тебя,
да водворится мир
внутри укреплений твоих,
безопасность да утвердится
внутри твоей цитадели!
Ради друзей и братьев
я возглашу: “Да будет
мир посреди тебя,
ради святилища Господа,
Бога нашего, буду
искать тебе процветания!”

Песнь восхождения

122 (123)

Возвожу очи мои к Тебе,
к Тебе, чей престол — в небесах,
так, как глаза раба
глядят на руку владыки,
как глаза служанки глядят

на руку своей госпожи,
так наши очизирают
на Господа, Бога нашего,
покуда не будет милостив!
Смилиуйся, Господи, над нами,
помилуй, Господи, нас,
мы сыты по горло презрением!
Накормили досыта душу
оскорблениями гордецов,
презрением высокомерных.

Песнь восхождения. Давида
123 (124)

Если б Господь не держал
сторону нашу, — да скажет
Израиль, — когда бы Господь
не держал сторону нашу
в час нападения мятежников,
то нас поглотили бы заживо
распаленные гневом злодеи,
потоп прошел бы над нами,
поток — над душою нашею,
прошли б над душою нашею
воды бурлящие!
Да будет хвала Господу,
который не предал нас
в добычу для их зубов!
“Избавилась наша душа, как
птица из сети ловчей.
Вот, разорвана сеть,
Вот, избавлены мы,
Подмога нам — имя Господа,
создавшего небо и землю”

Песнь восхождения
124 (125)

Те, кто доверился Господу,
подобны горе Сион,
которая не поколеблется,
но утвердится навеки.
Как горы окрест Иршолаима,
ограда Господь своему народу,
и сегодня, и навсегда.
Не пребудет скипетр безбожных
над землей, обещанной праведным,

чтобы руками праведных
не свершались злодейства.
Сделай добро, о Господи,
для добрых и чистосердечных,
тех, кто выбрал кривые пути,
оставит Господь со злодеями!
Да пребудет мир над Израилем!

Песнь восхождения
125 (126)

Когда возвращал Господь
пленных Сиона,
мы были как бы во сне.
Наполнились смехом наши уста,
наш язык — пением радости.
Толковали среди народов:
“Да! Великое дело
для них сотворил Господь!”
Так, великое дело
для нас сотворил Господь,
мы полны ликования!
Восстанови счастье наше,
как реки в краю полуденном!
Сеявшие со слезами
да пожнут с песнями радости.
Плакали те, кто несли семена,
смеются несущие снопы!

Песнь восхождения. Соломона
126 (127)

Если не Господь создает дом,
напрасно трудится строитель.
Если не Господь охраняет город,
напрасно бодрствует страж.
Напрасно встаете засветло,
засиживаетесь затемно,
Он сон дарит возлюбленным!
Дети — наследие Господа,
плод чрева — Его награда,
что стрелы в руке сильного,
то сыновья молодые!
О, блаженство того человека,
кто ими наполнил колчан.
Не постыдится он,
встречая врага у входа!

Песнь восхождения

127 (128)

О, блаженство боящихся Господа,
ходящих путями Его!
Будут они насыщены
плодами своих трудов.
Процветание, благословения
будут твоим уделом,
будет твоя жена
плодоносной лозой виноградной
внутри твоего дома,
будут твои сыновья
подобны ветвям маслины
вокруг твоего стола.

Таково благословение
на том, кто боится Господа!
Пусть Господь от Сиона
благословляет тебя
все дни жизни твоей.
Да будет тебе дано увидеть
процветание Иерусалима!
Да будешь жить, да увидишь
сыновей твоих сыновей!
Да будет мир над Израилем!

Песнь восхождения

128 (129)

Тяжко они угнетали
меня в юные годы, —
так да скажет Израиль, —
тяжко они угнетали
меня в юные годы,
и все же не одолели!

Распахивали ораги
спину мою, проводили
на ней длинные борозды.

Но Господь праведен,
освободил меня,
разорвал оковы безбожных!

Ненавистники Сиона
да обратятся вспять,
да будут посрамлены;
словно трава на кровле,

не успеv вырасти, высохнут!
Жнецы не пожнут ее,
не свяжут ее в снопы;
проходящие мимо не скажут:
“Благословенье Господне
на вас, благословляем
вас во имя Господне!”

Песнь восхождения

129 (130)

Из глубин взываю к Тебе, о Господи,
Господи, услышь мой голос!

Да будет внимательно ухо Твое
к голосу молитв моих.

Если Ты, Господи, будешь
держатъ список грехов,
Господи, кто устоит?

Но у Тебя — прощение,
пред Тобою — благоговеют.
Я ожидаю Господа,
ожидает душа моя,
Возлагаю на слово Его
все надежды мои!

Всей душой ожидаю Господа,
словно стражник — заря,
словно стражник — зари!

О Израиль! Надeйся на Господа!
потому что у Господа — милость,
с Ним — полнота искупления.

Он искупит Израиля
от всех прегрешений его!

Песнь восхождения. Давида

130 (131)

Не гордилось сердце мое,
о Господи,
я не глядел свысока,
не гнался я за величием,

не подступал к недоступному!
Но смирялся и успокаивал
душу мою, как младенца,
отлученного от груди!
Так, душа во мне, что младенец,
от груди отлученный!
О Израиль! Надеемся на Господа
и сегодня, и навсегда!

Песнь восхождения
131 (132)

Помяни Давида, о Господи,
и все сокрушение его.
Он поклялся Господу,
дал обеты Всесильному
Иаковлеву: "Не войду
под сень моего дома,
не лягу на ложе мое,
глаз своих не сомкну,
не дам задремать векам,
пока не найду места
для Господа, обиталища
для Иаковлева Всесильного!"
Мы слышали о том в Ефрафе,
обрели на полях Иарима,
так пойдем же к Его жилищу,
подножию Его поклонимся.
Восстань, Господи, поспеши
к месту покоя Твоего,
Ты и ковчег мощи Твоей.
Да оденутся в праведность
Твои священники, пусть воспоют
радостно святые Твои!
Ради Давида, раба Твоего,
не оставь Твоего помазанника!
Так, поклялся Господь
Давиду, принес обет,
не возьмет слово назад:
"Одного из твоих потомков
посажу на престоле твоём,
если твои сыновья
будут хранить завет,
уставы, данные Мною,
воссядут их сыновья
на престоле твоём вовек!
выбрал Господь Сион,
возжелал в жилище Себе:

"Здесь Мой покой вовеки,
здесь на престоле воссел,
потому что желал того,
благословляя, благословлю
пищу его в избытке,
нищих насыщу хлебом.
Я облеку в спасение
его священников, радостью
возрадуются святые!
Там взрашу силу Давида,
там поставлю светильник
для Моего помазанника.
Я сделаю стыд
одеждой его врагов,
но на его голове
венец его воссияет!"

Песнь восхождения. Давида
132 (133)

Как хорошо, как приятно,
если братья живут
в согласии, вместе!
Подобно елею бесценному,
умашающему голову,
стекающему на бороду,
на бороду Аарона,
на край одежды его;
подобно Ермонской росе,
сходящей на горы Сионские,
ибо там заповедал Господь
благословенье и жизнь — вовек.

Песнь восхождения
133 (134)

Благословите ныне
Господа все рабы
Господни, стоящие в доме
Господнем в ночное время!

Вознесите руки к святилищу
и восхваляйте Господа!

Господь, Создатель
небес и земли,
да ниспошлет тебе
от Сиона благословенье!

«...В ОЖИДАНИИ ГОСПОДА МОЕГО»

*Начальнику хора. На мотив
"Лилия". Псалом Давида.*

68 (69)

Спаси меня, Боже! Объяли меня
воды до самой души моей.
Я подобен тому, кто увяз
в топкой трясины, где нет ноге
твердой опоры, подобен тому,
кто в глубокое место заплыл,
и вот, уносит его поток!
Я от рыдания изнемог,
пересохла моя гортань,
как истомились очи мои
в ожидании Господа моего!

Видишь, Господи: тех, кто меня
без вины ненавидит, больше теперь,
чем волос на моей голове!
Возрастает мощь моего врага,
преследуют меня по пятам,
чего я не брал — то должен отдать!
Боже, Ты знаешь безумства мои,
видишь все мои беззакония!
Да не будут посрамлены
те, кто надеется на Тебя,
увидев бесплодность моей мольбы,
пусть не испытают стыда
те, кто ныне, подобно мне,
Бог Израилев, ищут Тебя!
Ради Тебя поносят меня,
бесчестьем покрылось мое лицо!
Чужим я стал для своей семьи,
братья — и те сторонятся меня!
Рвение о Доме Твоем
снедает меня, о Господи!
Брань Твоих ненавистников
падает на меня!

Даже слезы, молитву и пост
недрузи ставят мне в вину.
Одену рубище на себя —
стану притчею во устах!
Обо мне толкуют у ворот,
поют пьяницы в кабаках.
А я обращаюсь с молитвой к Тебе,
в благоприятное время, мой Бог,

по благодати великой Твоей
услышь меня, Господи, и открой
правду спасения Твоего.
Из трясины меня извлеки,
в которую Твой раб погружен,
как мне избавиться от врагов,
от глубоких вод, уносящих меня?

Пусть стремнина не увлечет,
а пучина не поглотит меня,
не сомкнет свой зев над головой.

Услышь, Боже, раба Твоего,
ибо во благо мне милость Твоя,
щедротами Твоими одари!

Не отвращай Твоего лица
от прислужника Твоего,
ибо я — в печали, не медли, Господь,
скоро, скоро услышь меня!
Будь ближе к душе моей, избавь
ее от врагов и спаси меня.
Ты слышишь, как поносят меня,
Ты знаешь мой стыд и позор.
Вот, все враги мои — пред Тобой.

Клеветой мое сердце сокрушено,
от поношений я изнемог,
ждал сострадания, но нет его,
искал утешителя, но не нашел.
Горечью насыщают меня,
утолили укусом жажду мою.

Пусть будет их трапеза сетью им,
мирное пиршество — западней.
Пусть ослепнут глаза их навек,
мужскую силу их сокруши.
Дай узнать им ярость Твою,
Жар пламени гнева Твоего!
Опустоши обиталища их,
да не будет жителей в их шатрах!
Они гонят того, кого Ты наказал,
умножают страдания мои!
Приложи беззаконие к беззаконию их,
нет им входа в правду Твою,

70 (71)

нет им страницы в книге живых,
в списке праведных нет их имен!

Я нищ, я страдаю, но помощь
Твоя,
Боже, из праха восставит меня.
Я прославлю в песнях имя Твое,
в славословиях превознесу Тебя!

Благоугодна песня моя
Господу: приношенье волон
и тельцов — ничто в сравнении с ней!
Страдалец возрадуется; оживет
сердце того, кто ищет Тебя.
Ибо слышит Господь нищих своих,
узников приближает к себе.
Да восхвалят Его небеса и земля,
воды и все, что движется в них.
Ибо Господь восставит Сион,
отстроит заново города,
люди, кто поселится там,
будут наследниками всему.
Утвердит потомство своих рабов,
те, кто любит имя Его,
будут жить на этой земле.

Начальнику хора.

Псалом Давида. В воспоминание

69 (70)

Боже, Боже, спаси меня!
На помощь, Господи, поспеши!
Пусть те, кто ищет души моей,
претерпят бесчестие и стыд,
пускай отступят мои враги,
станут предметом насмешек те,
кто желает зла рабу Твоему.
Пусть гонители обратятся вспять,
те, кто бранит меня, говоря:
"Ага! Ага! Дождался у нас!"
Пусть радуются и веселятся те,
кто в беде призывает Тебя,
кто ищет спасения Твоего,
пусть восклицают: "Велик Господь!"

Я беден и нищ. Поспеши ко мне!
Ты — помощь моя и спасенье мое,
не медли, Господи, Боже мой!

Боже, с Тобой в безопасности я,
не дай унижение претерпеть.
Праведный, помоги, избавь,
приклони ухо Твое, спаси!
Будь безопасным приютом моим,
крепостью на пути врага,
прибежище и опора моя!
От злодея избавь меня,
от нечестивца и подлеца:
надежда моя на Тебя, Господь,
с юных дней я верил Тебе,
всю жизнь надеялся на Тебя,
от рождения Ты меня укреплял,
не перестану Тебя хвалить!
Для многих людей я был чужаком,
странной казалась им жизнь моя,
но Ты всегда был опорой мне.
Хвалю Тебя в течение дня,
возвещу повсюду славу Твою!

Не отвергай меня, старика,
не оставь теперь, когда я ослаб!
Видишь, собрались враги мои,
 совещаются, шепчутся между собой,
говорят: "Оставил его Господь,
гоните его, хватайте его,
нет того, кто поможет ему!"
Боже мой! Не стой вдалеке,
поспеши на помощь прямо сейчас,
сокруши ищущих смерти моей,
покрой их бесчестием и стыдом.

Я буду надеяться на Тебя,
умножу хвалебные песни Тебе,
о праведности Твоей возвещу,
скажу о спасеньи Твоем — оно
выше разума моего.

Войду в рассуждение о силе Твоей,
праведность Твою воспою,
Твою и только Твою, мой Бог!
Ты меня наставлял от юных дней,
донныне пою о Твоих чудесах!
Седого старца, Господь, не оставь —
есть занятие у него:
он возвещает славу Твою
поколениям, пришедшим вслед,
преемникам могущества Твоего.
Правда Твоя — превыше небес,

знаю величие дел Твоих,
кто в мире подобен Тебе?
Тревоги и немощи на меня
Ты насылал, но вновь возводил
из глубины раба Твоего,
на краю могилы его удержал,
возвысил и утешил его.
На псалтири восславлю правду Твою,
на звонких гуслиях Тебе воспою,
Святой Израилев, уста мои
радуются, когда я хвалю
Тебя, и душа моя Тобой
избавлена, и мой язык
возвещает о праведности Твоей,
ибо бесчестие и стыд
стали уделом моих врагов.

Соломону

71 (72)

Дай, Боже, царю уставы Твои,
Дай сыну царя правду Твою,
да судит праведно Твой народ,
да будет к нищему справедлив!

Да спустится мир с горной гряды,
да снизойдет правда с холмов!

Да судит нищих народа,
да избавит детей убогого,
да смирит притеснителя,
да пребывает, покуда
луна и солнце - на небе!

Как дождь на скошенный луг
с небес орошающий землю,
да снизойдет он!

В дни его процветает праведник,
под луною мир водворится,
протяженность владений царя
между морем и морем, границы
от Ефрата — до края вселенной!

Враги перед ним склонились,
лижут прах под его ногами.
Цари островов и Фарсиса
будут данниками его,
Эфиопия и Аравия
ему принесут дары,
все цари перед ним склонятся,

все народы — слуги его!
Ибо он избавляет нищего,
вопиющего, угнетенного,
не имеющего защитника,
будет он милосерден
к бедному и смиренному,
души убогих спасет
от насилия и коварства,
он сохранит их жизни,
ибо кровь их драгоценна
перед глазами его!

Да живет Царь! Аравия
ему принесет золото.
Да возносятся непрерывно
моления за Царя,
каждодневно да возглашаются
благословенья ему!

Да умножится хлеб
на земле и вершинах гор,
пусть колосья колышутся,
словно ливанские кедры!
Да умножаются люди,
да процветают в городе,
как трава луговая!

Покуда восходит солнце
да будет передаваться
имя Его веками!
Да будут благословенны
в нем все племена,
да восславят его народы!

**БЛАГОСЛОВЕН
ГОСПОДЬ БОГ,
БОГ ИЗРАИЛЕВ,
ЕДИНСТВЕННЫЙ,
СОТВОРИВШИЙ ЧУДЕСНОЕ,
СЛАВЬТЕ ИМЯ ЕГО,
БЛАГОСЛОВЛЯЙТЕ ВО ВЕК,
ВСЯ ЗЕМЛЯ
ДА ИСПОЛНИТСЯ
СЛАВЫ ЕГО.
АМИНЫ
АМИНЫ!**

*Кончились молитвы
Давида, сына Иессеева.*